

Ю. ДЕНИСОВ и А. ИШИМОВ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ РОМАН
О ПРОТИВОСТОЯНИИ ДВУХ РАЗВЕДОК
АБВЕРА И СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЯ НКВД СССР
ДЕРЖАЩИЕ СОЛНЦЕ

Юрий Денисов

Держащие Солнце!

«Автор»

2026

Денисов Ю.

Держащие Солнце! / Ю. Денисов — «Автор», 2026

Двухтомник "Держащие Солнце" "Спецподразделение Н.К.В.Д. СССР и "Абвер" вступают в скрытое противоборство в 1933 - 1940х годах, ещё до начала войны 1941 - 1945 года. Глубоко засекреченные эксперименты нацистов над заключёнными концлагерей, потрясают. Экспериментальное создание фашистами гигантов супер-солдат 3 рейха! Глубокие экскурсии в древнюю и средневековую историю, просто манят своей непредсказуемостью, от древнего Египта до Тамерлана, от набегов диких викингов на старую Францию, до действительно страшных и неизвестных колдунов средневековья. Всё в этом романе сплелось в единую цепочку событий в предверии и на протяжении войны 1941 - 1945 г.г. Таинственные и загадочные сюжеты завораживают своей совершенной новизной, войны, битвы, рукопашные бои, и просто ошеломляющие события нопалили это произведение, оставляя не разгаданными события в Антарктиде 1945 - 1948 г.г. и Н.Л.О.

© Денисов Ю., 2026

© Автор, 2026

Юрий Денисов

Держащие Солнце!

ДЕРЖАЩИЕ СОЛНЦЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ

«ДВЕ СИЛЫ»

«И предал я сердце моё тому,

чтобы познать мудрость

и познать безумие и глупость;

узнал! Что и это томление духа!
Потому—что во многой мудрости

много печали!!!

И кто умножает познания,

умножает скорбь»

— Екклесиаст —

Ок. 330 г. до Р.Х.

Казалось что беспощадное солнце в этой дикой стране навсегда застыло в зените, как первый песок. И капли влаги лежащих гор, да плавлений. Ни одна живая тварь не могла выйти на это пекло оставаясь живой, даже хладнокровные гады пережидали такой зной в своих укрытиях. И наверное только боги наблюдали за людьми идущими в никуда!..

«Орёл держащий солнце в лапах своих, ударит в стопы фараона,

повелевающий орлом познает тайну мира!»

Демосфен шёл по песку еле—еле передвигая ноги, ещё шаг и он наверное отбросит щит.

— О, Боги! Чем только думает Птолемей! Но почему? Почему мне идти с передовым отрядом? — Демосфен с горечью посмотрел на Патрокла, его старый надёжный друг облизывал иссохшиеся от жары губы, поймав на себе взгляд Демосфена, он потупил взор.

Неожиданно в сознании Демосфена всплыл Александр. Однажды, когда войско Дария, несло от них в панике ломая себе ноги. Тот подошел к Патроклу и похлопал по его могучей спине, вдруг повернулся к Буцефалу, так же похлопал коня по груди и разразившись весёлым смехом добавил:

— Теперь—то я знаю о, Боги! Что истинно на земле были кентавры!

Патрокл играя невероятно огромными мускулами рук, поднял с земли копьё одного из поверженных им воинов Дария и вытянув обе руки перед собой, переломил его словно щепу!

— О, Боги! Как весело! — и беззаботно смеялся весь его отряд!

— А теперь?! — измученные, с иссохшимися глотками, они еле—еле тащились к реке, хоть каплей влаги смочить горло.

Жалкое зрелище, позор – Да мыслимо ли это? с хрипом ревел Демосфен. — Мы пробивной отряд! Таран Великого Александра! А вовсе не быстроногие разведчики! Боги! Дайте разум Птолемею, иль разорвав небеса, пролейте хоть каплю воды!

Дождя! О, Боги! Дождя! Ревел он, потрясая небу копьем сжатым в могучей руке. К нему спешно, поднимая пыль подбежал Аякс.

— Что? Что ты гневишь Богов?

— Я разведал там! — и он взмахнул рукой, державшей медный щит. Течет река, упирающаяся в берег гнилью болот! Стоит ли так негодовать? Прикрикнул на него Аякс. Зачем понапрасну гневить небо? Ужели могучий Демосфен не может потерпеть презренные тысячи шагов, хотя и накалённого солнцем песка!

Демосфен промолчал в ответ, лишь играя желваками, нет, он не посмел бы повысить голос на Аякса, ведь то, что он жив, это лишь благодаря ему,

Аяксу, самому бесстрашному воину Александра. Демосфен прикрыл глаза и тотчас вновь, и вновь всплыла картина недавнего боя, когда пятисоттысячная армия царя Дария, этого паршивого перса, вот—вот хотела втоптать их передовой, ударный, всего навсего тридцати пяти тысячный солдатский отряд, ногами могучих слонов в покрытый кровью песок!

Отряд, именно отряд, что он значил по сравнению с бесчисленной армией персов? О, Боги! Боевые дротики летели в них, словно тучи выпущенных стрел. Наездники управляли слонами, словно послушными лошадьми, тут и там, слышались вопли, смешанные с хрустом ломающихся человеческих костей, под ногами боевых слонов. Кровь заливала тела тех, кто ещё держался, не страшась рёва могучих закованных в броню животных.

Кровь? Именно так, вот справа от Демосфена, огромный боевой слон, чьи бивни украшали наконечники из меди, отточенной до острия копья, пронзил старого ветерана Македонца прямо в грудь, кровь, гонимая по жилам огромным сердцем, казалось брызгая заливала всё вокруг.

— О, Боги! — Демосфен, невероятным усилием воли, уцепив ветерана за наплечные ремни, удерживающих нагрудную броню, попытался сорвать его с бивней слона, воин отчаянно бил ногами, зависнув в воздухе насаженный на огромное острие – бивень!

Слон ревел, мотая головой из стороны в сторону, стараясь сбросить с бивней сражённое тело воина. Демосфен потерял равновесие и упал плашмя на грудь, ударившись лицом в кровавый песок.

Слон словно осознав беспомощность Демосфена, занёс свою столбоподобную ногу, чтобы раздавить его. Мгновение и с Демосфеном было бы покончено.

Но Аякс, бесстрашный Аякс, рванулся вперёд, в невероятном прыжке левой рукой он схватил за хобот слона, а правой за ремни на спине Демосфена. Слон округляя от боли глаза издал дикий рёв, мотнув головой вверх.

И словно гигантский домкрат, связанный с Демосфеном, телом Аякса, подбросил его от земли. И вот оба они и Аякс и Демосфен уже сокрушали голову животного ударами мечей.

— Доски! Доски! — ревел словно лев Аякс.

Кто—то швырнул Аяксу доску, густо усыпанную огромными кованными гвоздями. Аякс не страшась острия дротиков, что тучей летели на него, брошенные погонщиками слонов, метался словно смерч под брюхом животных.

Слоны раскачиваясь из стороны в сторону, вставая подушками своих ног на острые гвозди, торчавшие из досок. Кованые шипы наносили ранения слонам, пронзая их кожу до нервных столбов могучих ног.

Издавая дикий рёв, слоны, взбесившись от боли, теряли управление. Началось кровавое месиво, животные, обезумев от боли, становились на задние ноги, сбрасывая с себя погонщиков. Слоны метались из стороны в сторону, топча своих же, и тут:

— На выпей, не вино с благодатных полей греческой лозы, но всё—таки! — Аякс протянул Демосфену флягу.

Демосфен сделал несколько глотков:

— Идем я покажу тебе нечто! — и Аякс потащил за собой Демосфена.

Вот, вот и в дали мелькало уже отдающее вонью, гнилое болото, дальше бежала мутно синяя река.

— Вот смотри! — указал Аякс.

На глинисто—тинном берегу, что источало невероятный смрад, был отпечаток ноги человека!

— Но человека ли? — О, Боги! вскричал Демосфен. — Да в нём! Он имел в виду след — три локтя!

— Там далее есть ещё и ещё! — сухо произнёс Аякс, крепко сжав пальцами копьё, взгляд его был направлен куда—то вдаль, где облака плыли, словно могучие белые галеры, укрывая вершины гор.

— Да будь она проклята Богами, эта никчёмная земля с её дикими варварскими племенами! — взревел Демосфен и в пылу гнева швырнул камень в топь болота.

Камень поглотила вода, гулко брызнув болотной жижей.

Вдруг, волны через мгновение почти успокоившись от броска камня, стали подниматься с новой силой, какой—то странный и пугающий гул поднялся окрест болота.

— Не может быть! — зашептал Аякс.

Из чрева болота, казалось с самых её недр, росли, именно росли спины невероятной величины, вдруг они распрямились, и из воды почти по пояс, с резким выдохом и броском головы назад, показались — О, Боги!

Люди, они были сплошь заросшие волосами, точнее их лица, головы укрывала густая шевелюра сплошь укрытая болотной тиной, кое—где свисавшая на плечи. Они мощными, но не быстрыми движениями двинулись к Демосфену и Аяксу, огромными руками на ходу небрежно сбрасывая с волос растительность болота, липнущую к их могучим телам, волосам, бороде.

От неожиданности Демосфен сел на песок широко разбросав ноги, крутя испуганно раскрытыми глазами.

Аякс принял боевую позицию, выставив вперёд копьё.

Гигант приближался к Демосфену и стоя по колено в болоте, согнув свой могучий торс, протянул к нему свою руку. Этот гигант был никак не меньше двадцати локтей роста! Он с любопытством разглядывал Демосфена, особенно его интересовал огненно—жёлтый шлем из меди, что сверкал в лучах заходящего солнца, с яркими перьями украшавших его купол.

— Да будь ты проклят! Житель гнилой реки! — вскричал Аякс и мощным движением своего тела швырнул копьё в грудь гиганта.

Древко копья, чуть дрожа, со звоном рассекая воздух от мощного броска, стремительным полётом вонзилось в голую грудь гиганта, пробив его почти насквозь.

— О! О! О! — взревел гигант и рухнул в топь болота. Жижа от удара его могучей спины, брызнула тысячами капель болотной жижи окатив Демосфена с головы до ног.

Остальные с тихим погружением скрылись в чреве болота.

— Бежим! — вытирая грязь с лица кричал Аякс, поднимая с песка всё ещё сидящего словно каменная статуя Демосфена.

— Этих тварей здесь может быть целое полчище!

— Не могу! — шепнул в ответ Демосфен, грудь его дыбилась, отдавая где—то внутри мощными уколами, не давая ему шевельнуться.

— словно раскалённые иглы, жалят моё сердце, Аякс! Беги один! — шептал он.

Аякс сорвал с плеча висевший медный рог. Он трубил подобно рыку льва, смешанному с переливами рёва оленя, звучащими на тысячи локтей вокруг.

Услышав призывный звук боевого рога, сюда бежали воины передового отряда, превозмогая усталость, жажду, жару и этот проклятый песок, чужой земли, что застилал глаза, нос, уши.

Они подбежав, окружили уже лежавшего на песке Демосфена, плотным строем ошетилившись копьями. То тут, то там на болоте, огромные пузыри воздуха с ревом лопались тиной, оглушая округу, и тотчас то тут, то там из воды появлялись огромные головы гигантов, с глазами полными ненависти и злобы.

И тот самый гигант, что был сражён копьём Аякса, лежал в болотной жиже, с пронзённой грудью, из которой торчало копье. Болото казалось не хотело принимать его в своё обширное чрево, словно знак смерти, знак того, что несут сюда незнакомцы в золотых доспехах, с мечами и острыми копьями в безжалостных руках.

Головы гигантов ревели страшным «пением болот» казалось они вот—вот вырвутся всем своим могучим ростом из тины, подняв гигантскую волну, смоющую всё на своём пути.

Отряд словно ожидал этого и вскинув на руки тело Демосфена, поспешно удалялся прочь, под нарастающий рёв гигантов.

— Александр! Клянусь всеми богами Македонии и Греции! Страх объял сердца воинов! Клянусь тебе, что лишь Аякс не дрогнул, но даже великий воин Демосфен...

— Ты лжёшь Патрокл! Ты был лжив, как и отец твой, ложью молчи иначе я обрушу свой гнев на твою лживую голову!

Александр сжал свой меч так, что пальцы побелели, но следующее известие сразило его, словно гром и молния...

1940 г. Египет. Каир.

— Скажет! Всё скажет! Ну во всяком случае то, что знает — негодяй! зло шептал Шульц.

Лёгкая бронированная машина увлекала в ночь, туда далеко в пустыню своих пассажиров. Отто, Шульц, Фриц, Уве и Генрих, одетые в форму англичан, на добытой в бою машине, везли в пустыню своего пленника Ахмеда. Шульц был легко ранен в руку кинжалом Ахмеда, пытавшегося оказать сопротивление. Шульц даже не пытался забинтовать рану — подумает, Отто! Это лишь царапина! и оправдываясь добавил: да кто же знал, что эта обезьяна спит с кинжалом! и плюнул от негодования ударив Ахмеда по спине ногой в высоком шнурованном ботинке с мягкой резиновой подошвой.

Несчастный Ахмед лежал на полу машины, под ногами разведчиков немецкой армии, связанный словно мумия фараона.

Фриц сидел за рулём, зорко всматриваясь в ночную даль.

— Где—то здесь танки и штаб Ромеля! тихо воскликнул водитель. — Может быть Фриц! Но докладывать ещё нечего! Кстати как твоя нога? дружище! сочувственно спросил Отто. — Отлично! Правда чуть мешает давить на педаль этой английской колываги! весело отозвался тот.

Отличный солдат! думал о нём Отто, с какой ловкостью и напором, он один сразил почти руками троих английских свиней, даже раненый он продолжал сражаться! Да! Очень жаль будет потерять такого солдата!

— Фриц! Держись дружище! Тебя вскоре ждёт ласковое солнце Средиземного моря, где—нибудь на лучшем пляже Италии, дружище! приободрил его Отто. — А мне с вами Отто не хуже чем на курорте! подмигнув, задорно ответил Фриц. — Давай сюда Фриц!

Подчинившись приказу Отто, Фриц остановил машину.

— Так Уве, рация! — Есть командир! отозвался тот, схватив рукой зелёный ящик. — Шульц, ты знаешь, что делать! командовал Отто. Генрих! Охранять!

Отто сам вышел из машины зорко вглядываясь в темноту пустыни.

Минут через сорок он подошёл к огромному валуну, что чёрной горой лежал во мраке пустыни, около которого Шульц допрашивал Ахмеда.

— Ну? спросил его Отто. — Орёл! Музей Каира! Саркофаг! Да вообще ерунда Отто. — Это не ерунда Шульц, это вовсе не ерунда! Точнее, точнее Шульц! Он всё сказал? — Всё Отто, всё что знал! ответил Шульц. — Что с ним? тронул носом лежавшее бездыханное тело Ахмеда, Отто. — Наверное сердце слабое, кома! шепнул ему в ответ Шульц. — Давай к радисту, Уве должен передать всё слово в слово, точка к точке! командовал Отто.

Странно! размышлял Отто, и почему хранители тайн, такие хлопчики, по легенде они передают «это» из поколения в поколение, может первый хранитель и был могучий воин, но этот Ахмед... Мы допрашиваем уже третьего хранителя «ключа»! К тайне, и все болтают языком, словно продажные девки, хотя может Шульц. Черт бы побрал эти тайны Египта! Тоже мне задание! негодовал Отто.

318 г до Р.Х. Египет. Александрия

— Повелитель, тебе вновь снился этот сон?!

Птолемей, с трудом оторвал голову со своего ложа.

— Патрокла! Сюда Потрокла! хрипло произнес он.

Спустя минуту вошёл Патрокл.

— Ты сделал это? вопрошал Птолемей вошедшего Патрокла. — Да повелитель, всё как ты сказал! с поклоном ответил Патрокл, и тихо добавил, я найду хранителей тайны, смотрителей музея и... — Свитки! Свитки! шептал Птолемей. — Повелитель, как ты молвил, именно так в стопы фараона! спешил с ответом Патрокл. — Ну вот! шептал уже еле дыша Птолемей — вскоре я увижу тебя Александр! Ты будешь вопрошать меня, — хороша ли память обо мне? И увидишь музей, музей в Александрии, что я создал в вечную память о тебе, и славных делах твоих Александр. А тайны, я бросил как прежде к твоим ногам, как некогда я бросал золото и камни к стопам твоим о Повелитель мира! наверное уже бредил Птолемей на последнем издыхании. Вдруг он приподнялся на локтях словно, что—то забыв важное, что—то упустил в разговоре с Патроком.

— А люди? Те что тревожили нас тогда у проклятой горы! Ты написал о том? — О, да! По слову твоему Птолемей! и Патрокл уложил его дряхлое тело на одр. — Расскажи мне ещё раз... шепнул Птолемей.

— Мы сражались с дикарями, на тропах проклятого богами Афганистана, днём касаясь крылами вершин гор, укрытых шапками снега кружили огромные орлы. Казалось вот, вот и эти птицы, рассекая воздух, ринутся на нас камнем, словно на добычу, их стая была огромна, а кружение над нами зловеще, подобно боевому танцу дикарей! А когда ночью своим покрывалом едва касалась скалы, то случалось «это» — от чего сердца наши рвались от страха. Словно по огромной спирали на сорок локтей в высоту в драных одеждах увешанные бусами из человеческих костей, взмывали — эти фурии. Это были сильные телом молодые женщины с лицами старух, мы отчётливо видели их морщины, но при этом сильные руки почти оголённых тел. О, какие звуки они издавали! О, Боги! Так наверное скрипит колесница Аполлона. Многие падали на камни с разорванными в груди сердцами. И тогда Александр приказал залить это ущелье раскалённой медью.

— Навсегда! И случилось...

— Стой, стой, погоди Патрокл! дыхание Птолемея стало прерывисто. А он рассказал тебе, что это было? еле ворочая языком, шептал Птолемей.

— Верховный жрец разъяснил мне всё, сверив свиток, что я составил с мыслью слов произнесённых им! А я же по слову твоему, вложил их в стопы его! Спи спокойно, о повелитель! шепнул напоследок ему Патрокл...

1940 г. Египет. Каир

— Чёрт! Их двое около дверей с винтовками! разглядывая в бинокль ночь, шептал Отто, и винтовки английские! негодовал он. — Эти свиньи оккупировали всё! тихо шепнул ему Отто. — Сторож! Смотри сюда Уве! и Отто передал ему бинокль. Видишь вон, тот старик с какой —то доскою в руке! — Угу! Вижу! отозвался Уве. — По моей команде за ним, он твой Уве, только без шума! — Яволь! ответил тот. — Шульц, Генрих! За мной! скомандовал Отто.

Они подкрались к дверям Каирского музея, словно тени, в мгновение ока «сняли» часовых и их посты заняли Шульц и Генрих, и через мгновение подбежал Уве, дав знак означавший — всё в порядке!

— Идём! кивнул ему Отто.

Тусклый свет фонарей едва рвал мрак Каирского музея, выхватывая из темноты, то оружие густо украшавшее стены музея, то боевую колесницу фараона оббитую золотом, то ещё что—нибудь.

— Где? Где же чёрт возьми! едва сдерживая гнев, шептал Отто. — Вон в том зале! спокойно ответил Уве.

Отто с вызовом глянул в лицо Уве едва освещённое светом.

— План музея, ты же сам давал изучить в машине! едва, едва слышно произнёс Уве. — Тогда где? шепнул Отто. — За мной! увлёк его за собой Уве.

Огромный, толи деревянный, толи каменный саркофаг стоял посреди зала музея едва освещённый в лунном свете. Этот огромный «короб» как назвал его Отто, был едва скруглён, изображая едва заметным, в ночи залы, рельефом, как бы лежавшего в нём человека.

— Ага! пытаясь рассмотреть в темноте, где лицо этого рельефа, шептал Отто. Значит ноги там! — Да вот же они стопы, Отто! позвал его Уве.

Отто лихорадочно пальцами ощупал поверхность рельефа стоп. — Ничего! зло шепнул он. — А ну! Уве выхватил кинжал солдата «Вермахта», занёс его для удара в «стопы» рельефа фараона. Лезвие кинжала с гравировкой орла сжимавшего в когтях своих свастику отечества, виднелась в темноте музея освещённой уже ярким лунным светом, падающего в залу сквозь небольшие окна, где—то под куполом здания. — Ха! выдохнул Уве, и ударил в саркофаг. — А ну дай! Отто выхватил кинжал из рук Уве и осторожно поддел огромную пластинку, что закрывала тайну стоп фараона, свастика и орёл блестели в лунном свете, как бы попадая под тусклые лунные лучи и отражаясь тонули где—то в мраке музея.

— Есть! Вот! Свети сюда! шептал радостно Отто. Он извлёк объёмный рулон свитков тайно вложенных в нишу, выдолбленную заботливым мастером в стопах саркофага фараона. Есть! Есть! Уве! посмотри сюда. Свети! Свети! Нет, больше ничего! Уходим Уве...

Берлин, 1940 г.

— Да друг мой, вы меня действительно порадовали! человек в форме рейхсфюрера осторожно гладил свитки. — И всё это трудами нашего Отто! наклоняя голову к лицу рейхсфюрера тихо произнёс Ромель.

Но как я знаю Отто человек Канариса! А Канариса мы использовали в слепую! — Да господин рейхсфюрер! — Не огорчится—ли такому факту ваш друг и протеже Фридрих Канарис? — Я знаю Фридриха много лет, он весьма проницателен и умён, а огорчение в таких делах удел людей недалёких! И поэтому, и по многим другим причинам, о чём я вам уже докладывал, я предлагаю Фридриха Канариса, на «посвящение»! — Я даю своё согласие! Канарис сейчас занят операцией «Атланты», ваша задача Эрвин, быть с ним скептиком, давайте ему зацепки! Пусть он вас ведёт и во многом убеждает. Он сам должен прийти к сознанию той истины, что известна лишь посвящённым. Дискутируйте, готовьте его сознание к великим целям. — Всё будет исполнено, господин Рейхс... — Не надо апофеоза Эрвин! Лучше перейдём к свиткам. А не подделка—ли это хитроумных англичан, Ромель? — Исключено, археологи, эксперты

и прочие учёные мужи подтвердили подлинность свитков! негромко говорил Ромель, словно боялся нарушить музыку горевшего огня камина. — Но есть, ещё одно, «но»! — А именно Рейхсфюрер? спросил Ромель. — Эти свитки, во первых, могут нести лишь метафорическое описание жизни и подвигов Александра, а во вторых, ни один великий мистификатор, и тем более британская разведка, не могла предвидеть, что рука взломавшая тайник, будет сжимать армейский клинок Вермахта, да ещё с гравировкой орла на лезвии. — Это знали только высшие си... Ромель хотел сказать «силы», но почему—то промолчал, и лишь добавил — люди высшего порядка!

— Ну хорошо Эрвин! А это вам для ознакомления и человеку в форме рейхсфюрера протянул Ромелю чёрную кожаную папку, с тиснёной золотой свастикой на лицевой стороне...

Берлин 1940 г

— Послушайте господин Адмирал, неужели вы впрямь верите в эту чушь?

Адмирал Канарис слушал весьма дерзкие заявления по поводу слов самого Фюрера! Не отразив и тени недовольства, возмущения или хотя бы притворного любопытства к словам собеседника, он, вопреки этому вопросу, который рядовому офицеру «Вермахта» стоил—бы, по крайней мере звания, спокойно ответил:

— Ах, Ромель, Ромель, вы слишком эмоциональны друг мой!

— И всё—таки вы уходите от ответа Адмирал! — настаивал Ромель.

— Мой друг, не мне вам, лучшему офицеру «Вермахта» объяснять, что предстоит нам всем, в обозримом будущем, и если для нашей общей победы нужно будет заключить союз с дьяволом, я это сделаю! Во—первых, потому, что я солдат великой Германии, во—вторых, потому, что я немец! Черт бы побрал ваши вопросы Ромель!

— О, Адмирал, вы просто спаситель нации! А как же быть с надписью на шевроне мундира солдата, нашего с вами, „Вермахта“ — „С нами Бог“.

— Дорогой Ромель, но и череп с костями мало вяжется с любовью, не так—ли дружище? — улыбнулся Канарис.

— Разведка сделала из вас циника Адмирал! — грустно улыбнулся Ромель...

Москва 1940 г 25 июня

— Андрей Петрович, я прошу вас, повторите мне ещё раз, вы это видели сами? Генерал—полковник Голиков, казалось чеканил каждую букву.

— Нет товарищ генерал и вы это хорошо знаете, но Данилову, я верю как самому себе! — так же чётко ответил Андрей Петрович.

— Вы отдаёте себе отчёт полковник, что и кому я буду докладывать через час? Голиков кивнул слегка, словно что—то укололо его в шею, на портрет Сталина висевший на стене слева.

— Товарищ генерал, но если Он узнает об этом не от вас, извините не от разведки, то реакция будет незамедлительной.

Голиков чуть побледнел при последних словах Лебедева.

— И так Андрей Петрович доложите ещё раз, сжато, коротко, по факту! Последнее Голиков выделил особо...

Специальный лагерь особого отдела Н.К.В.Д.

— Синёв! Выше ногу, ну что с тобой Саша? Ты влюбился?

— Товарищ майор, я устал, честное слово устал!

— Саша, дорогой мой, нет такого слова «устал», есть слово «надо» Саша, «надо»!

Майор бережно приподнял лейтенанта особого отдела Н.К.В.Д. Синёва за руки, и всё началось по новой.

— Выше локоть, ногу, ногу тянем, — выше колено, удар! Ещё! Хорошо... локтем! Кувырок...

Майор был прав, Саша влюбился, на изнурительных тренировках в спецлагере особого отдела подмосковном лесу по Каширскому шоссе, Саша думал о ней, о первой, самой, самой первой любви на свете! Татьяна. Что я должен вбить себе в голову, что—бы забыть её, почему задыхаясь на десятикилометровом кроссе, где вроде бы надо думать о рывке на финише, я думаю о ней? И побрал бы чёрт это слово «надо»...

— Саша, подойди пожалуйста, — подозвал его майор.

Саша! Я не узнаю тебя, ты что делаешь? Ты о чём думаешь? — жмурился майор.

— О том, что чёрт бы побрал... — начал было шутить Саша, но майор грозно ответил, прервал любые вторичные шутки.

— С ним ты и увидишься, а вот поберёт или нет, это зависит от меня! Ясно тебе лейтенант? Встать! — Бегом марш на полосу к «девятому»!

Ох и не любил Сашка «девятого», вроде бы и название—то ничего, ну согласитесь, не тринадцатый ведь так. Но «девятый» это был тринадцатый в тринадцатой степени. Инструктор по владению холодным оружием «девятый» был не многословный и вообще—то улыбчивый дед, но бил за каждый промах, как «сидорову козу» ремнём, при этом приговаривая «Ремень не пашка, задница не шея»! Сам он был потомственный казак — пластун. Ещё в японскую отличился. Ходили слухи, что он в одиночку проник в японский штаб, выкрал какую—то карту, при этом карандашом убил двух часовых японского генерала... Ерунда конечно, но сам «девятый» слухи эти поддерживал загадочной улыбкой, а в слух говорил — «ну в штаб не в штаб, да и не карандашом, но японцам насолил. Жил он на территории спец лагеря, без права выхода с территории, а почему «девятый», да это вот как раз не секрет, если даже нож, который его подопечный метал в мишень попадал точно в «десяточку», то дед, говорил одобрительно — молодец, «девяточка»!

— Почему дед?

— В десяточку попадаю только я, а в «яблочко» только Господь Бог! — так—то вот мазила!

А шашкой творил такое! На спор на коне, на всём скаку, спичку разрубал до серы стоящую вертикально, и не раз, и не два. Бывало на пенёк приладит спичку, сунув её серой в щель, та стоит как часовой, подведёт какого—нибудь «хвастуна» и давай его подзадоривать. Сколь разов попаду по спичке, как по дровам топором, столь разов ты подтянешься. Ну «хвастун» мол давай с размаха только шашкой—то, а деду хоть бы хны, «давай!» Вот так дуралей весь день и подтягивается. Синёва, дед любил, как родного внука и говорил так — «кого больше любят, того и больше лупят, а Сашка молодой, дури много, вот я его любовью и учу!»

Однако и Сашка в долгу не оставался. Как—то раз по спецзаданию по проникновению в закрытый объект, притащил ампулу маленькую такую, с какой—то жидкостью, похожую по своим свойствам и воздействию на организм человека, подобно нашатырю. Как водится дед подзадорил, тот хватает шашку, да как рубанёт. Ох и досталось «рубак», чихал, кашлял, как от ядрёного табака, а слёз—то, слёз—то пролил сколько. Однако пока дед приходил в себя Сашка в «благодарность» уже лично от майора наматывал круги по лесу. Дед однако на Сашку не обиделся, но учил по прежнему сурово. Странно, думал Сашка, почему он не мстит мне, хотя бы в шутку, ан нет, всё по старому...

— Синёв! После «девятого», два раза пройдёте с Коровым «крокодила», и в спец—аудиторию. Не слышу Синёв! — командовал майор.

Синёв и Коров хором ответили — «Есть» и лёгкой трусцой засеменяли на «крокодила».

«Крокодил» представлял собой лестницу дыбившуюся, как у крокодила наросты, вверх и вниз, а хвост этого чудовища тянулся метров на двадцать. Синёв и Коров подошли к тренажёру, оба разом подпрыгнули, зацепились, инструктор нажал кнопку секундомера, короткая команда — пошли! И началось... Время, время ребята, ногами не болтать. Словом работа до седьмого пота, да и Коров ох и здоров детина, лишний раз не отдохнёшь, хотя бы на спуске, нет вот гонит «бугай!» такой. Инструктор сурово качал головой глядя на Синёва, но к финишу пришли почти одновременно. — Ладони! — командовал инструктор. Офицеры протянули свои ладони. — Хорошо! В аудиторию бегом марш!

В аудитории кроме Синёва и Корова были, майор Заев и лейтенант Сёмко. На карте лежала пачка дел из девяти папок. Майор Заев объяснил — читаем внимательно, фотографии изучаем до мелочей, особое внимание обращаем на физические данные и характерные черты поведения товарищей офицеры! Особое внимание, вы работаете в связке, кому что не ясно, объясняйте друг другу, я нахожусь в соседнем классе! Приступайте! Майор вышел.

Личное дело Сидорова Петра Ивановича 1907 г.р

...Невероятно физически вынослив, по оперативным данным владеет холодным, огнестрельным и другими видами оружия, отлично ориентируется на местности...

— О, Синёв глянь! Холодным, огнестрельным и другими видами оружия, это что же самолёт и танк? — ерничал Коров.

— Олег! Прекрати, ты лучше дальше читай! — оборвал шутника Саша.

...Во время коллективизации, по неподтверждённым данным, отрывал головы красноармейцам руками, обладал невероятной силой. Во время задержания, отстреливался в окружённом доме... дополнительного машину красноармейцев...

— Вот это фрукт! — голос полный удивления и ненависти, оборвал все шутки и лишние вопросы Корова и Сёмко.

— Саша, Саша! Вдруг снова начал уже Сёмко. А этот вот ты только глянь...

...Доводя свой замысел до конца Кривобоков ворвавшись на партийное собрание первичной комсомольской ячейки, нанёс ножевые ранения секретарю Петрову, комсомольцам Яшину..., всего потерпевших девять человек в следствии преступных действий этого садиста, погибла комсомолка Селезнёва, Очнева, комсорг Петров... обладает отличными физическими данными, сын кулака, Кривобоков, по неподтверждённым данным принимал участие в банде «Сизого».

— Во зверюга! Ну братцы и компания!

— Да уж хомо—сапиенс! — выдохнул Коров.

Характеристики на «подопечных» были в основном схожи, и главное их объединяло одно, отличные физические данные, плюс владение оружием.

— Девять заклятых врагов советской власти, страны, и... Тут майор запнулся и начал доверительно — ребята! Эта мразь сбежала из лагерей и рвутся по тайге к ближайшему населённому пункту, товарищи офицеры, вы представляете себе, что эти зверюги сделают, если доберутся до людей, ведь это немыслимо! Ваша задача найти и обезвредить эту нечисть! Вопросы товарищи?

— Ну а местные—то что же, товарищ майор? — начал было Коров.

— Во время попытки задержания, Кривобоков держал на руках ребёнка работника колонии, угрожал зарезать его ножом, смогли тем самым вырваться из «кольца» и так далее, — объяснил вкратце Заев.

— Вот мразь! — выдохнул Коров.

— Ещё вопросы товарищи?

— Никак нет, товарищ майор!

— Вот ещё что главное — ребята оставьте их в тайге, незачем кормить этих зверей народным хлебом.

— Приказ ясен товарищи офицеры?

— Так точно товарищ майор!

— Товарищи офицеры, получите у дежурного в самолёте фото каждого, полковник хотел сказать «человека», но осёкся.

Дежурный вручил огромный конверт Синёву, на каждом фото была напечатана фамилия: Сидоров, Кривобоков, Антонов, Петренко, Ляпишев, Леонов, Демидов, Буртов, Яковлев...

Лагерь спец. назначения О.Н.К.—66Е.

— Ну чё враги народа приуныли, с горя!?

Хрипой подошёл к группе людей державшихся в бараке особняком.

— Послушай Хрипой, мне твои шутки уже вот где! И Сидоров Пётр Иванович, «резанул» себя по горлу ладонью.

— Ой, ой, ой, ты гляди же цаца!

Лёха Хрипой, был что говорят уголовник со стажем убийства, грабежи, насилие, нападение на кассиров, и что только не вытворяли его исписанные «синим горем» пальцы, — как он любил прихвастнуть. — А сколько золотишка я держал в своих руках, что руки эти стали золотые! Частенько напевал он щурясь от тусклого света в бараке. И Хрипой перешёл к делу...

— Послушай Алексей, нам это, так скажем побег с вами не по душе — прервал его Кривобоков. Ведь ты Хрипой, с врагами народа не в ладах? А побег предполагаешь?!

— Ну Хрипой, теперь ты никак «вор»? И начальник лагеря майор Бывалов Иван Леонидович, бросил перед Хрипому пачку папирос «Казбек». Кури Алексей! — миролюбиво добавил майор.

— Слышь начальничек, мне с тобой курить, всё равно, что прости Господи с «парашей» целоваться, — зло ответил Хрипой.

Майор Бывалов неспеша подошёл к железному сейфу, не сводя глаз с Хрипого, молча достал папку с номером 66—Е, и так же не сводя глаз с Хрипого, бросил её на стол перед его руками, вместо слова «читай» кивнул.

Хрипой небрежно отшвырнул было папку ладонью, но увидев надпись «Н.К.В.Д. особый отдел» совершенно секретно, начальнику лагеря О.Н.К.—66Е лично. В случае разглашения — расстрел. Хрипой округлил глаза, там внизу было в строчку написано то, что знал только он Хрипой Лёха!

— Смиров Константин Альбертович 1903 г.р. присвоен номер 999 Особый отдел НКВД СССР.

Лицо Хрипого почернело, пальцы рук затряслись до неуправляемости, он пытался взять из пачки папиросу не сводя, глаз с заветной папки.

— Читать будем? Или перейдём к делу Алексей? дружелюбно добавил майор.

— К делу начальник, к делу! ответил пересохшим голосом Алексей.

— Так вот Лёшенька сынок, — ёрничал начальник лагеря. — Тебя мразь давно пора бы шлёпнуть, но нужен ты сам знаешь кому, посему привета от них не последовало, но задание будет! В случае провала задания, или тем более отказа — расстрел! Вопросы? Очень хорошо! И майор выпустив сизый дым папиросы отвернулся к окну. Читай ежели что—то не понятно, я растолкую! добавил Бывалов.

...В качестве организатора, вывести группу с расположения лагеря квадрат 131 ый, оружие получить у начальника лагеря... Личности подопечных изучить досконально. Сильные, слабые стороны... Смирова верните в расположение лагеря.

— Это что же, я врагам народа побег должен устроить? удивлённо хлопал глазами Хрипой.

— Ты дурака то из себя не разыгрывай, Лёша, не надо! шепнул ему майор. Детали обсудим позже, а пока начинай работать с врагами, или с кентами! жёстко отчеканил Бывалов. И ещё Лёша, это не моя прихоть, это они! И майор поднял палец к потолку. Ясно?

— Понял, понял, майор, чего уж не понять, — шептал себе под нос Хрипой...

— Пётр Иванович, неужели вы верите этой уголовной шушаре, а? и Кривобоков нервно теребил его рукав.

— Послушайте полковник, вы меня удивляете, у нас что выбор есть? Вы бывший полковник Р.К.К.А., а ведёте себя как мальчишка!

— Товарищ Сидоров, товарищ полковник! на перебой говорили остальные семеро, мы здесь все люди военные, но всё таки?

— Так панику прекратить! прикрикнул на них Сидоров, нам бы вырваться отсюда, а там... и бывший полковник Р.К.К.А. о чём—то казалось задумался, в это мгновение, о чём—то светлом, что вот он прорвётся на приём к Сталину лично, доложит ему, что творится...

Сидя в самолёте под гул винтов, что давил на уши, с невероятной силой, лейтенанты спец. группы Н.К.В.Д. переговаривались между собой...

На спец. аэродроме в Красноярске Сенёва, Коврова, Сёмко пересадили в чёрную МКУ и повезли в неизвестном направлении, окна машины были наглухо зашторены белой материей.

— Видел Сашок, как нас встречают, а? ёрничал Сёмко

— Да уж, это точно! отвечал Александр.

Неожиданно вопреки ожиданию их привезли на какую—то квартиру, точнее дом частного сектора.

— Здравствуйте товарищи!

— Здравствуйте! ответили они хором.

— Прошу садиться! и пожилой седовласый человек, по внешнему виду напоминавший военного, предложил им сесть.

— Товарищи! начал он, прошу вас выспаться хорошенько, привести себя в порядок, для выполнения задания. Одежду и оружие прошу подогнать досконально, хотя о чём я, видимо тут лучшие из лучших, и незнакомец дружески улыбнулся. С вами будет работать наш сотрудник знакомьтесь товарищ Галина Платоновна! И в комнату вышла молодая, довольно приятной наружности женщина лет тридцати.

— А я вот удаляюсь, служба! как—то странно добавил седовласый человек и вышел из комнаты.

— Ну что же товарищи будем знакомиться. Зовут меня Галина Платоновна. И завтра мы с вами идём в кино! Правда здорово товарищи? добавила она. Они ожидали всего чего угодно, только не этого! Не выдержав один Сёмко спросил:

— Куда?

Галина Платоновна сверкнула глазами: — Товарищ Сёмко, у вас плохо со слухом?

— Никак нет Галина Платоновна! отрапортовал он.

— Теперь далее товарищи, каждому из вас будет выдано по три пистолета и боекомплект к ним, соответственно по два ножа десантника Н.Д.—36, для начала, вы сами попробуйте всё это подогнать под себя, и плюс вот эти шикарные костюмы. Я пока выйду, приступайте товарищи. И тихо кивнув головой, она вышла из комнаты.

Ни хрена себе! Заявил вслух Сёмко, подойдя к трём одинаковым на вид обычным чемоданам. Ну и какой из них мой? продолжал он.

— Ничего не понимаю, начал было Коров.

— Ребята без дураков, начали! скомандовал Синёв.

В каждом чемодане был стандартный набор: костюм чёрного цвета, рубашка, галстук, носки, ботинки, трусы, майка. Цвета одежды несколько варьировались между чемоданами. Но одно оставалось неизменным — парабеллум, вальтер Р38, родной ТТ и два ножа десантника Н.Д.—36 плюс боекомплект.

Одевались как в Большой театр, не спеша, пытаясь выглядеть друг у друга что—то более стильное, помоднее. Но когда дошло до оружия, началось?

— Ну и куда это девать?

Когда рассовали оружие кто—куда мог, были похожи больше на бандитов.

Когда все были готовы, Галина Платоновна войдя резко сказала:

— Кина не будет! К операции приступить немедленно! Задание вы знаете, машина ждёт, встреча и доклад тут, на этом месте, ровно через сутки в 14:00. Выполнять! Кстати одежду берегите...

— Товарищ генерал, разрешите доложить!

— Что у вас Донских? поднял на вошедшего майора глаза генерал Жигарев.

— Поступило сообщение от начальника лагеря Бывалова, начал докладывать Донских.

— Читайте майор! ответил Жигарев

— «Звери» выпущены на волю т.ч.к. встречайте, майор Бывалов.

— Ну так что у вас? спросил Жигарев.

— Всё готово товарищ генерал! отпрапортовал Донских. «Скот» гонят на охотников!

Генерал заиграл желваками скул...

Спец. особый лагерь ОНК—66Е

— Ну что товарищ Сидоров, когда?

— Сегодня братцы, сегодня!

— Хрипой не подведёт?

— Оставьте панику! и немного понизив тон, полковник шепнул ожидающим от него чего —то очень, очень важного в их жизни, теперь уже бывших командиров Р.К.К.А.

— Товарищи, нам очень нужна свобода, ибо дело наше очень важно для страны, и не мне вам объяснять цель этого дела, верю в вашу стойкость друзья...

— Ты ешь, ешь Костя! подчивал салом Хриплого Бывалов. Силёнки—то нынче потребуются, тайник с оружием помнишь где?

Не отрываясь от еды Хрипой кивнул головой.

— И ещё Костя, как начнётся заваруха, ты не лезь зря под пули—то, ежели чего, ну сам понимаешь, ты в той пещерке—то сиди, не рыпайся и не вздумай голуба, свинтить под тихушку?

Хрипой, выслушав напутствия вытер губы рукавом казённой робы, и хотел было встав уйти, но рука майора тяжело легла ему на плечо.

— Понял ли Костя? зло блестя глазами шепнул ему на ухо Бывалов.

Хрипой резко дёрнул плечом, стряхивая руку Бывалова

— Ты запомни начальник, Костя я для них, особистов, а для тебя и всех, Лёха Хрипой!

Майор хотел было поставить эту мразь на место, но понимал, что сейчас не время, не время. Хрипой одев на блатной манер кепку, ударил пинком дверь кабинета, вышел прочь.

— Ну полкашка, ехидничал Хрипой, рванули что—ли по России матушке—то, а?

— Прекрати же наконец, Хрипой! разозлился Сидоров

— Ну ладно, чего пылить—то зазря, нынче встретимся в тайге, где условились, кордон из «красеньких» кончать твоим придётся! Иначе не как!

— А может обойдём всё же, Лёха, а?

— Послушай Сидор, ведь сто раз говорил что за нами одни мысли, пуля всем в дорогу светит, а ты опять за своё! Ну чего их жалеть—то? Иль мало их бесов краснозадых? Новых собак пришлют! Я бы понял тебя коль люди бы они были, а не те, сколько зубов—то прикладами повышибали крестьянам—то, о! А сколь вон в том овражке расстреляли, да уж теперь выходит, наши черёд, правду—то над ними вершить! Наш! И Хрипой презрительно сплюнул на землю.

— Хорошо Лёша, хорошо, этот грех я беру на себя, и Сидоров как—то сник.

— Какой грех? переспросил Хрипой

— Да не важно Лёша, не важно! ответил ему Сидоров. — Теперь уже многое неважно!

— Ну гляди, полкаш, не подкачай! и Хрипой резко встав пошёл в барак.

Сидоров подошёл к ожидавшей его группе единомышленников.

— Ну товарищи! Всё! Каждый знает, что делать, с Богом.

— Товарищ полковник с каким ещё Богом?! ответил ему бывший капитан Леонов

— Отставить капитан! Удачи вам товарищи! и полковник Сидоров ушёл прочь.

Согласно их плану, многие ночи выстраданные, и вымеренные до мелочей на таёжной делянке, «загвоздка» была одна, это кордон охраны на обходном пути, вдоль болота. А ликвидация этого кордона означало одно — убийство, иного пути не было. Не подкрасться к ним незаметно, не тем более застать врасплох, не было никакой возможности, ведь не дураки — же разрабатывали систему охраны лагерей. А тоже профессионалы, кстати многие из них бывшие военные. Но вот Хрипой гарантировал, что до выхода на кордон у них будет оружие, пара охотничьих ружей, а то и четыре, с полными патронташами к ним. А вот откуда и как, это не их фраерская забота. Но группу полковника Сидорова, точнее бывшего полковника Р.К.К.А. это устраивало. Почему? Да потому, что заполучить в свои руки оружие, для этих военных людей, означало умереть в бою, именно в бою, а там уж как Бог даст...

Первый этап побега, прошёл как по нотам, группа из десяти человек, рассредоточившись по заранее оговорённым местам таёжной делянки, тихонечко, каждый в своём месте, рванула в тайгу. Через час примерно, они уже колонной, шли на прямик через топь первого, среднего болота, вёл их Хрипой.

— Давай, давай, не робей бродяги, прорвёмся командовал Хрипой, увлекая за собой группу, всё дальше и дальше в топь.

Первый привал был только часа через два.

— Фу, бродяги, хорош пока! и Хрипой рухнул на малюсенький островок суши посреди болота. — Привал! выдохнул он, немного отдышавшись, дал знак одному из беглецов.

— Нука дай-кося торбу мою! Ну бродяги вот вам подарки для начала! и развязав узел льняного мешка, вывалил на землю содержимое. Девять отличных охотничьих ножей, хлеб, банки с тушёнкой.

— Ого Лёха! Вот это да! Но откуда? спросил его Кривобоков.

— Ты это фраерок, рот — то прикрой от вопросов! оборвал его Хрипой, и откинувшись на тёплую землю островка, принял позу засыпающего от усталости путника.

— Всем принимать пищу! командовал Сидоров, раздавая ножи беглецам. — Отдыхать! Силёнки очень даже пригодятся товарищи! закончил он. Ему самому многое казалось странным в сложившейся ситуации, но как говорится, идущему за плугом оглядываться не нужно. Пётр Иванович лёг на сухой клочок земли, прикрыл глаза, пытаясь немного вздремнуть, хотя — бы на миг забыться от тревог и усталости. Но вместо этого, он почему — то вспомнил случай произошедший с ним ещё тогда, когда он был совсем ещё молоденьким бойцом народной Красной армии.

Это было весной 1922 года, когда он совсем ещё юный командир, был послан в разведку комиссаром полка Выраженным, кругом тогда лютовали бандиты батьки Махно.

Они тихо ехали по степи, пятеро бойцов революционной армии, чтобы разведать на местности, обстановку левого фронта их наступающего кавалерийского полка...

— Пётр Иванович! тихо шепнул ему на ухо совсем ещё юный красноармеец Иванов

— Вона, кажись хата их!

— Чья это их? переспросил Пётр

— Ну их Махнова! глупо как—то ответил тот.

Пятёрка всадников подъехала к хате, стоявшей чуть ли не одинокой травинкой в степи.

— Тпру! слышались голоса, всадники спешили

— Иванов! В дозор! крикнул Сидоров

И прижимая лихие папахи с красным околышем, они вошли в сонную избу.

— Ну хозяин, принимай гостей! — скомандовал Пётр.

Дверь хаты почему—то была открыта, и это насторожило Петра.

— Ждёшь кого? — зычно спросил он, однако свет керосиновой лампы осветил невероятную бедность хаты, четверо детей, разом проснувшись, потирая испуганными руками глаза, хозяйка прикрывая ладонью ночную рубашку, испуганно перекрестилась.

— Да мне всё едино, раз сатана—то лютует! — как—то загадочно ответил хозяин хаты.

— Ты вот что философ! — ответил Пётр, — Махно—то лютует, а может ты сам из ихних—то?

Хозяин хаты зашамкал губами, но промолчал.

— На стол собери чего! — чуть обернув голову Пётр прикрикнул на хозяйку.

— Да отколь—же...?! — начала было шептать та, но один из бойцов подхватил её слова.

— Откель говоришь? Сволочь Махнова! — зло зашипел он.

Странно, но он начал вместе с хозяйкой дома искать снедь.

— У—у—у! Вдруг слышался его удивлённый голос.

— Вот это сало!!!

Пётр обернулся.

— Смотрите товарищ командир! — и на стол убогой хаты красноармеец вывалил три пашки и карабин.

— Что скажешь мужик? — зло спросил Пётр.

— А то и скажу! — дерзко ответил тот. — Моё это! Ещё с империалистической! — добавил гордо.

— А может ещё и награды от царя имеешь? — зло по—прежнему спросил красноармеец.

— А как не быть! — шепнул хозяин.

— А может и от Махно? — добавил Пётр.

Мужик молчал.

— Короче, где видел в последний раз ихний дозор? — отрезал Пётр.

Хозяин хаты молча смотрел под ноги Петра.

— Ясно! — вдруг неожиданно для себя резанул Пётр. — Ясно!

Один из его бойцов что—то прошептал ему на ухо и красноармейцу нашедшему в хате оружие.

— Петрованчук! Чего там у тебя? — не расслышал Пётр.

— Дык это, допросить бы надо, товарищ командир, раз вона чё! — добавил он.

Пётр устало сел на кровать хозяина хаты.

— Действуй! — добавил он.

Хозяина хаты связали, усадив на пол.

— Ну рожа махнова, чего затих? — сверкая глазами говорил Петрованчук. — Щас, щас, всё скажешь.

Он вывел во двор детишек, выстроив их как по шеренге у бревенчатой стены сарая. Поднял с пола за шиворот мужика, молча показал ему «картину» предстоящего.

Луна, подлая, ненужная луна, освещала босых детишек в белых рубашонках, жавшихся то ли от холода весенней ночи, то ли от охватившего их ужаса к стене сарая.

— Ну, сволочь! Ответствуй, где их дозоры! — шипел Петрованчук. — Ребята! — командовал он.

Трое красноармейцев передёрнули затворы и прицелились в детей.

Хозяйка дома лежала связанная в сарае, всё понимая, что творится во дворе, кляп, вбитый в её горло, не давал ей возможности кричать, она издавала лишь тихие стоны.

— Посля её допросим! — высказал предложение Петрованчук.

— Да будьте вы прокляты! — вдруг взревел мужик. — Сатаны!!!

— Прокляты??? — заорал в ответ Петрович. — Прокляты, говоришь? Ан наш—то хутор пожалел Махно? Ну, отвечай мразь! — уже ревел он держа мужика за бороду.

Повисла странная пауза, сквозь раскрытые окна хаты слышно было дыхание красноармейцев, держащих ружья на изготовку.

— Хорошо! Вот здорово развлекается советская власть!

Это был как глас ночи, как голос ветра.

— Товарищи! — ёрничал голос. — Не волнуйтесь так и опустите ружья, вы окружены полусотней, ваш часовой спит, и я думаю надолго. Кстати о ружьях, ещё раз говорю вам, опустите, ибо ружьё это такая штука, что иногда стреляет!

Дружный, многоголосый хохот разорвал тишину.

Холодный пот волной прокатился по спине Петра.

— Влипли! — выдохнул он.

— Ну, краснопёрые, так стало быть теперь в России на ночь развлекаются? — весело улыбаясь «весельчак» вошёл в хату. — О, агитация населения?! Здорово! Ты кстати пистолетик—то, дай мне на хранение, а то видишь как мужичок—то нервничает, нет я—то к оружию привык, а вот он?

И по—хозяйски войдя в хату, «весельчак» начал раздеваться.

Пётр в оцепенении молчал.

— Чего хотят от тебя бойцы революции? — спросил у мужика весельчак.

— Вас шукают! — ответил вставая с пола мужик.

— Ага, многозначительно съязвил весельчак. — Тогда разрешите доложить! Товарищ красный командир, отряд, извините, банда, поручика Бельченко, к докладу готова, кстати нам построиться, или же как? — продолжал весельчак.

— Илья Савельевич! Там в сарае баба его! — запыхавшись выдавил из себя вбежавший в хату казак, и ещё что—то шепнул на ухо.

— Так вот если трогали, изрубите в капусту, начиная с ног! — ответил ему поручик.

— Ну! Заморышь Будёновский! И с кем же ты воюешь? — зло спросил он Петра.

— С такими как ты! — дерзко ответил Пётр.

— Угу, угу, но что—то я не вижу среди своих ребят, ни детей, ни женщин? Или может я ошибаюсь? Ну так поправь меня! — добавил поручик.

Пётр совершенно был сбит с толку.

— Землю значит дали крестьянам! Так? Стало быть в форме могил. Так что ли? Краснотазы? — шепнул Пётру поручик.

— Мы дадим, дадим всё, после победы! — крикнул Пётр.

— А во время войны стало быть жрать не нужно? Жить не нужно? Детей растить не нужно? Так что—ли?

Пётр молчал.

— Да для кого—же ваша земля, если всех убить? Кому её давать? Сволочь ты мерзкая! Кому? Вся Россия в крови, что же вы делаете? Какой мировой пожар раздуваете? Матерь Божья!!! Какой новый мир строите? На крови старого?! Скоты! — тихо выдавил из себя поручик.

— Мы создаём счастье для людей! — как—то глупо ответил Пётр.

— Ну да, сначала крестите в новую жизнь винтовками около сарая, затем если выжил, в новую жизнь! Мерзость, ложь! Ты же молодой парень, ты же воюешь со своим народом! Слепец! Нет дорогой, и тебя опалит твой огонь, верь мне!

Пётр, ступая босыми ногами шёл по холодной весенней, ещё не прогретой солнцем земле, на расстрел, и вдруг поручик произнёс:

— Пошёл вон!

Потом вспомнился 1937 год.

— Он, он, точно он, — вертелось в голове Петра Ивановича, когда он лежал в луже крови после допроса в Н.К.В.Д.

Перед глазами стоял образ седого полковника, который неожиданно вошёл на допрос и тихо спросил фамилию, где воевал в гражданскую, и так же как тогда добавил:

— Пошёл вон!

Берлин 1940 г.

— Не щёлкайте каблуками Отто, этого не надо, мы же друзья надеюсь!

— Оберштурмфюрер Отто Скор, — начал было Отто, но генерал резко оборвал его.

— У меня страшно болит голова! — еле слышно произнёс он. — Эрвин! Так и обращайтесь ко мне, а «каблуки» оставьте Канарису.

— Но господин генерал! — снова отчеканил Отто.

— Хватит! — уже нервничая оборвал его Ромель. — Оставьте речи для митингов и шествий! Закончил он. — Итак Отто, дорогой Отто, сколько вас? — спросил Ромель.

— Моя группа состоит из пяти человек! — ответил оберштурмфюрер.

— Угу! — произнёс генерал. — Это отборные головорезы, что проходят спецподготовку в лесах Мюнхена?

— Нет генерал, это преданные солдаты фюрера!

— Хватит, чёрт бы тебя побрал Отто! — зло сказал генерал. — Тебе придётся идти одному! — закончил Ромель.

— Но господин генерал начал было Отто.

— Одному! — резко попытожил Ромель. — Это сверх оружие Отто, ты пойдёшь один!...

— Отто! Дружище! Ну как наш генерал?

— Я ничего не понимаю Уве, ничего! — дружески обняв своего напарника шепнул Отто. — Будь оно всё проклято, но я иду один! — виновато произнёс он.

— Как один? Как один Отто? — обезумел Уве. — Но если эти твари сойдут с ума? И кто знает, что же у них на уме? Боже мой, да и есть ли у них ум, Отто? — негодовал Уве.

— Унтерштурмфюрер Красс! — взревел Отто. — На полосу живо!

— Яволь! — и Уве рванул что есть силы на полосу.

Он преодолевая злобу, стыд, нёсся на исходных рубеж, оставляя за спиной Отто, штабную машину, что привезла его друга от генерала, быть может разгоняя в жилах остатки адреналина, что сжимал ком в горле, именно здесь в старой усадьбе Мюнхенского леса он первый раз ощутил недоверие к себе. Этот проклятый Богом лагерь спец. подготовки, эти бесконечные подъёмы и отбои, эти тренировки, чёрт бы их побрал! Он подбежал к Гансу, Дитриху, Макс, Фрицу.

— Бросили курить! Живо я сказал! — ревел Уве. — На полосу!

— Но Уве, сегодня же понедельник и ты же знаешь...! Замялся Фриц

— Бегом марш! ревел Уве, едва подавляя гнев

Они буквально влетели в ангар на одном дыхании.

— Гауптштурмфюрер! Готовьте самолёт! — командовал Уве.

— Но сегодня понедельник! — начал было сопротивляться гауптштурмфюрер.

— Самолёт! — ревел уже еле, еле сдерживая себя Уве.

— Яволь! С пассажирами?

— Да, да, да чёрт бы вас всех побрал! — шипел Уве.

Капитан С.С. вошёл в общежитие к интернированным евреям и несколько театрально заявил:

— Господа евреи! Сегодня вы грузите своих детей, багаж, в самолёт и согласно договорённости с нашим правительством, летите к своей еврейской бабушке в Англию. Мы слово держим! — улыбаясь добавил он.

— Слава Богу! — послышался шёпот в ответ, много пар испуганных глаз смотрело на капитана.

— Это уж точно! — ответил тот. — В самолёт! — рявкнул капитан.

Толпа до смерти запуганных людей с детьми на руках, двинулась к ангару.

Капитан спустился на первый этаж общежития.

— Ты, ты, ты, ты и ты! — указывая пальцем на выстроившихся в шеренгу крепких мужчин, капитан прогуливался вдоль строя.

— Вы сегодня улетаете в Англию, вы заслужили это, однако не все считают это правильным, коммунистические группы террористов хотят помешать перелёту еврейских семей, учёных и политиков. Рейх не может охранять вас, английские журналисты называют группы сопротивления С.С. ничто иное как конвой. Поэтому фюрер доверяет вам оружие и охрану соплеменников! Оружие получите непосредственно в ангаре! — щёлкнув каблуками капитан удалился. Он быстрыми чеканными шагами шёл в спец. хранилище ангара.

— Клаус! Клаус! Чёрт бы тебя побрал! — кричал капитан.

— Слушаюсь госп...! — начал было докладывать Клаус.

— Молчать! Где ты ходишь? Оружие готово? — ревел капитан.

— Но господин капитан, сегодня понедельник и я... — оправдывался Клаус.

— Сволочь ленивая! — неистовствовал капитан, хотя отлично понимал, что сегодня понедельник, никак не пятница, и это тоже есть нарушение инструкции, ведь акция планировалась на пятницу.

Капитан быстро шёл по коридору спец. блока разыскивая Уве.

— А вот вы где! — как-то странно рапортовал капитан. — Уве, у охраны не готово оружие! — шепнул он.

Уве был расстроен разговором с Отто, он не мог сдержать ярости.

— А мне плевать, капитан! Плевать! Раздайте этим евреям — боевое! — ревел Уве.

— Но Уве... — начал было увещевать капитан.

Уве грязно ругался, говоря в сущности правильные вещи, что у врагов Фюрера не бывает холостых патронов.

— Я доложу Отто! — сухо сказал капитан.

Он подошёл к столику спец. связи.

— Господин оберштурмфюрер... именно боевые, нет, настаивает, но это вопреки инструкции, с адмиралом, хорошо? Яволь! — капитан повесил трубку...

Сорок пять минут на сборы, команда «зелёная», ракета остальное по плану, кроме оружия. Уве, и щёлкнув каблуками капитан удалился прочь, гулко ступая по коридору.

Неожиданно для себя Уве выступил перед группой с речью:

— Друзья! Братья по оружию! Мы солдаты великой Германии, сегодня лицом к лицу встретимся с врагом Рейха, излишне говорить об опасности, ибо мы её презираем! Хайль Гитлер!

— Хайль! — пронеслось эхом по коридору спец. бункера.

«Дуглас» стоял в ангаре с трапом подведённым к двери самолёта, приветливая стюардесса рассаживала пассажиров по местам. Охране, вооружёнными пистолетами пришлось задержаться у трапа.

— Сначала дети, женщины, почётные пассажиры! — как—то странно вежливо говорила стюардесса в форме С.С. — Вы в последнюю очередь, подождите в ангаре, можете курить! — добавила она.

— Нотан! Как—то это странно, самолёт иностранный, можно курить в ангаре! — шепнул Каземир, своему другу, с которым сдружился ещё в нацистском лагере.

— Плевать Каземир! Во всяком случае патроны боевые, и если что... я прихвачу с собой парочку гадов из С.С.

Вдруг стюардесса хлопнув дверью, спустилась по трапу и пошла прочь из ангара.

— Нотан! Что это может быть? — начал было Каземир, но его голос прервала зелёная ракета.

Операция была разработана до мелочей, нет конечно ни один из аналитиков, даже и не мог предположить того, что это будет реальный бой, а не убийство, именно так было первоначально разработано инструкторами. Однако приучить или даже воспитать людей — убийц, нет не садистов, которые с трясущимися руками, будут уничтожать мирно идущих на закланье жертв, нет, а бойцов, способных на всё — ради идеи...

— Начали! — прозвучала зычная команда Уве, Макс продублировал её тихим, незаметным жестом руки.

— Р.38, прицельный огонь пятьдесят метров и то если это специалист, а это дилетант, тем более еврей, а это недочеловеки, и поэтому, я иду открыто на ворота ангара! Чушь какая! Макс понимал, что это какая—то самоагитация, Боже мой как глупо!

Однако его броски из стороны в сторону, через два шага сработали, по нему открыли огонь!

— Нотан! Вот он, вот он! И Каземир стрелял из пистолета по движущейся на него «мишени» стараясь поразить её непрерывным огнём.

— Береги, патроны! — кричал ему Нотан, но к сожалению, Каземир его не слышал. Нотан стараясь помочь ему, тоже выстрелил в передвигающуюся рывками из стороны в сторону фигуру, но та описывала зигзаги не поддающиеся ритмам выстрела.

— Чёрт! Всё мимо! — ревел Нотан.

Остальные услыша выстрелы, жались в глубине ангара, пытаясь укрыться. Казалось даже за стойками шасси. Люди в самолёте были заперты бронированной дверцей к которой был приставлен трап. Они слыша выстрелы, жались к иллюминаторам выкатив от ужаса глаза, дети плакали, но герметичный салон самолёта, поглощал их голоса.

Уве, зорко следил за работой Макса.

Макс пригнувшись к земле не попадая в сектор огня Нотана и Каземира, выходил незаметно для них на исходную позицию.

— Всё, и я на месте! — говорил себе Уве, двадцать пять метров, ближе мне не надо. Ну! Господа! Убейте Макса!

Макс имитировал ранение на мгновение зависнув в воздухе, прижимая правой рукой, левое плечо. Макс долгими неделями тренировок в спарке с Уве, уже не глядя на него знал. Уве именно на рубеже огня, именно так. Он завис в воздухе, уже не сомневаясь в успехе.

— Я попал, попал! Каземир! — кричал Натан.

Оба чуть отделившись от ворот ангара сделали шаг навстречу «раненому» Макс, стараясь добить эту казалось уже сражённую мишень.

Уве знал, что так и будет, именно так, ведь и он тысячу раз добивал свою мишень. Идя к ней на встречу словно бы подчиняясь охотничьему азарту, и тысячу раз его жестоко избивал Отто, — Не демонстрируй себя, управляй эмоциями, больно? Да? Я выбью из тебя эту дурь!

Отто, Отто, спасибо тебе за науку, им бы такого учителя, как ты и были бы живы! — думал Уве.

Специально в последний момент Уве выхватил Вальтер Р.38, он не готовил оружие заранее, нет именно так, филигранная техника — секунда, пистолет в руке, но не успела бы стрелка секундомера дойти до конца отсчитав свой миг и тут —

— Дум! Дум! — два выстрела точно в голову.

Макс не глядя в сторону Уве, вскинул большой палец правой руки вверх, но уже делая тигриный прыжок в сторону трупов лежащих у ворот, ещё мгновение, ещё, он в ангаре, ни одного выстрела, стоя на одном колене, он водил пистолетом по возможным местам атаки, ничего! Странно! — подумал Макс.

Фриц, Дитрих и Ганс, работали каждый в своём секторе, слаженно готовя захват самолёта, именно через бронированную дверь, так требовало задание, именно так и не иначе!

Дитрих дал знак Макс. Макс немного опешил. Забившийся в угол с куском трубы в руке стоял человек, маша ей в разные стороны, страх безумие отражали его вывалившиеся глаза. Макс рванулся к нему, вдруг чёткая и властная команда прозвучала у него за спиной.

— Ножом! — это был голос Уве.

Повинуясь последнему Макс выхватил кинжал, но тот же голос крикнул

— Нет! Схватка! Работать!

Макс удивился происходящему, всё шло к чёртовой бабушке, почему не стрелять? Почему он орёт? Что чёрт возьми происходит? Зачем схватка? Почему?

Однако сомнения эти не мешали Макс выполнять боевую задачу. Держа кинжал вдоль предплечья, остриём к локтю, он отбил удар трубы нападавшего, однако, тот, то ли от страха, то ли уже от безумия, бил трубой по Макс с неистовой силой обречённого.

— Долго Макс! Долго! — ревел Уве.

Макс и вправду слегка растерялся. Отбив очередной удар, как на тренировке он рухнул на колени, резанув отточенным лезвием подбивая по бёдрам противника, тот выронил от боли трубу, согнулся обхватив перерезанные места ладонями рук, из под которых уже сочилась кровь. Удар был направлен Максом справа на лево, спина скрутилась создавая мощную пружину, теперь слева на право по законам инерции, в согнувшееся тело противника, точно остриём в висок... нож вошёл по самую рукоять. Страшный хруст ломавшейся под напором стали костей, ударил в самое сердце Макса, словно током, рука сжимавшая рукоять ножа ослабла, и уже не в силах была вытащить застрявший в голове кинжал труп противника так и лежал на спине раскинув руки с торчавшим в правом виске рукоятью кинжала, а остриё вышло из левого. Макс спешил, хруст костей, эта картина убитого им человека, повергла его в шок, лужа крови из искалеченного черепа, выпученные глаза, предсмертные судороги широко открытого рта, с наполовину откушенным языком.

— Макс! Ко мне! — ревел Уве, словно пьяный.

Макс не чувствуя ног бежал на трап к Уве, дверь поддалась не сразу, но его товарищи уже рвались в салон самолёта, сквозь дым и детские вопли.

Уве, рванул в грузовой отсек, и извлёк из потайного места известного ему заранее М.Г. —34. Дитрих,

Ганс, Фриц, молнией пронеслись по салону схватив на руки девушку, лет двадцати, и так же мгновенно передавая её друг другу, вылезли через кабину пилота в ангар, спешно увлекая её за собой к воротам.

Уве, видимо знал, что это так и не иначе, что все задержки исключены и невозможны, что это бой, и их никто не собирается жалеть, ни его Уве, ни Макса, ни остальных, ни кого, вот и Уве ни кого не жалел, ни кого! Он водил извергающим пламя стволом пулемёта по салону, влево, вправо, чуть—чуть меняя направление ствола.

Макс, несчастный Макс, видел как под градом пуль гибнут дети, одной девочке пуля попала прямо в лицо, и пройдя череп оторвала косичку, та полетела как соломинка к двери кабины пилота самолёта. Кровь и клочки плоти оторванных очередями пуль, рук и ног, забрызгали салон. Громовень пулемёта заглушала детские крики и женский вой.

Но вот пулемёт стих. Уве словно выполняя неведомые команды, подчиняясь их воле, бросил ещё дымившийся пулемёт на пол, и рванул к кабине пилота и через мгновение заученными движениями был уже на земле.

Макс не мог тронуться с места, месиво кровавых детских и женских тел, повергли его в шок.

— Боже мой! Что я наделал! — повторял Макс сам себе. Не может быть, что бы это сделал я!

С идиотским смехом он встав на колени рассматривал изуродованные тела.

— Дитрих! Где Макс? — ревел Уве. Однако Максу ничем уже помочь было нельзя, и через мгновение прогремел оглушительный взрыв, содрогнувший землю, разметавна клочки ангар, самолёт и человеческие тела убитых, а с ними и их боевого друга Макса...

— Уже знаете Отто? Макс не выдержал! Ведь предстоящее для Германии, гораздо страшнее и потери неизбежны...

«Гораздо страшнее!» говорил Отто сам себе.

То задание, которое предстояло ему выполнить, повергло его в шок. Нет, он не дёргал глазом, хотя нервный тик, так и хотел вырваться наружу, предательски обнаружив то волнение, которое он испытал от увиденного слово «страх» он избегал, но фраза «Гораздо страшнее!» так и крутилась в его голове.

Москва 1940 г. 26 июня

Сталин молча ходил взад, вперед, в своём кабинете в Кремле, красная ковровая дорожка, казалось поглощала малейший шум его шагов. Голиков был в сомнении, он не верил в то, что сам говорил ему ещё, чеканя слова, со свойственным тоном доклада.

— Послушайте генерал! — Сталин произнёс эту фразу, казалось впервые за долгие минуты разговора, не обращая внимание на дымившуюся трубку.

— Давайте ещё раз, только факты, что же всё—таки там произошло? А может ваши пограничники, готовились встретить первое мая? — Сталин намекнул генералу Голикову на опьянение.

— Ни как нет, товарищ Сталин! — отрапортовал генерал.

— А почему вы так уверены?

— Второй «секрет», был вызван по тревоге, и видел тоже самое, в деталях, детали совпадают! товарищ Сталин! — доложил снова Голиков.

— Слушайте генерал, а их проверяли в Н.К.В.Д.? — шепнул ему Сталин.

Голиков слегка замялся, и понизив голос ответил:

— Так точно, товарищ Сталин!

Сталин заметно помрачнел.

— И всё—таки товарищ Голиков, начните ещё раз, так что же там произошло?...

...Отто вышел от адмирала Канариса мрачнее тучи, впервые ему не объясняя суть задания, пожелали выполнить свой долг перед Германией, что это конец карьеры и вместе с ней жизни? Черт их всех знает, но его уже ждал самолёт на секретном аэродроме, лететь в Польшу, затем полёт в квадрат N—425U к самой границе с СССР...

В хорошо замаскированном ангаре SA 523 D, прямо с дороги, не успев открыть дверцу служебного автомобиля его встретил доктор.

— Отто! Дружище!

— Клаус? Отто был удивлён не меньше. Клаус, вот так встреча!

— О, не волнуйтесь дорогой Отто! Я ведь доктор только по призванию, а в остальном я солдат “Вермахта”. И вы Отто совершенно здоровы! ответил Клаус.

— А что заметно моё волнение? неожиданно спросил Отто, ведь пожимая мне руку, ваши пальцы слегка коснулись моего пульса, разве нет Клаус?

— Вы великолепный солдат Отто, я всегда восхищался вами, но то, что вам предстоит увидеть, и главное кем предстоит командовать, подсилувидимо только вам дорогой Отто. Кстати вы верите в Бога? как—то странно уже сидя в служебном кабинете спросил его Клаус.

— Относительно Клаус, относительно! ответил Отто.

— А жаль дорогой друг, ибо в главе шесте, стих четвёртый “Бытие”, сказано о неких исполинах, живших очень давно среди людей, Отто! И в связи с этим пройдите на склад одежды, я хочу подготовить вас к встрече с “неизвестным”!

Клаус резко встал затушил сигарету.

— Пройдёмте Отто?

То, что увидел Отто на складе одежды не укладывалось в его воззрении.

— Это что же Клаус, маскарад?

— Нет дорогой Отто, это реальная одежда, реальных людей!

Сапоги были чуть меньше роста Отто, а мундиры? Можете себе представить?

— Но Клаус, каков же рост самого высокого из них?

— Пять метров четырнадцать сантиметров! с гордостью ответил Клаус. И это дорогой мой, ещё не предел!

— Но мыслимо—ли это? А оружие, каково же оружие, если это каска, Клаус? И Отто подошёл к огромному “тазу” со свастикой.

— Всё рассчитано дорогой Отто. Здесь пять комплектов.

— А этот двуручный меч тевтонов, видимо кинжал? иронично заметил Отто.

— Пойдёмте Отто! И Клаус вывел его во двор, ограждённый колючей проволокой, где по периметру ходили огнемётчики, зорко глядя за происходящим на лужайке.

Отто обмер, на открытой лужайке, залитой солнцем, паслись, именно так, пять огромных чудовищ в форме людей...

— Боже мой Клаус! прошептал Отто.

Пятеро гигантов, ростом казалось до небес, ели туши свежего быка, они рвали мясо бедного животного, растерзанного видимо ими же. Огнемётчик водил на них стволом, но те ели, казалось зло косясь на Клауса и Отто, их огромные мускулы перекачивались буграми на солнце, кожа была абсолютно белая, без признаков малейшей растительности, вены, огромные синие вены, покрывали всё тело, казалось кровь пульсирующая под давлением гигантского сердца, вот—вот разорвёт и без того тонкую и бледную кожу, их вздохи содрогали накалённый весенним солнцем воздух. Казалось, это стадо человеко—динозавров, рвали туши быка, сильными пальцами и огромными подобными человеческим, зубами—зверей. Однако заметив Отто, они начали проявлять признаки волнения.

— Ух, ух, ух! раздавалось из глубины их огромных лёгких, они в беспокойстве, встав с колен стали ходить вокруг туши быка, стараясь незаметно подойти к Отто, описывая всё более огромные круги. Огнемётчик зорко наблюдавший картину происходящего, что—то крикнул гиганту.

— Оу, ох—оу! начал реветь он. Вдруг гигант упал на траву и стал колотить себя по груди огромными кулаками, дикий вой, стоны казалось покрыли округу пушечной канонадой.

Отто отчётливо слышал хруст костей грудной клетки гиганта, кровь забулькала у него в горле. Рёв его перемешался с бульканьем крови, от конвульсий его тела содрогалась земля, пятки ног конвульсируя, рыли в земле траншеи, рёв стали издавать и остальные, но этот казалось безумствовал.

— Пойдёмте Отто, без нас справятся! И взяв его под руку Клаус повёл его в кабинет.

— Что это Клаус? Я ничего подобного и представить не мог себе! шептал весь бледный Отто.

— Это, это дорогой мой друг, секретное оружие Фюрера, или безжалостный не щадящий себя солдат!

— Но Клаус! начал было Отто.

— Ни слова, это вы видели исходный материал, а вам предстоит познакомиться, подружиться с вашей группой Отто! Идите отдыхать, вечером знакомство! Хайль Гитлер!

“Знакомство” с подчинёнными состояло из краткого инструктажа Клауса.

— Дорогой Отто! Вы должны будете перевоплотиться в укротителя, именно так, а не иначе! Для вас специально сконструирован портативный огнемёт, это дорогой мой, небольшой заплечный рюкзак, шланг огнемёта будет выходить из правого рукава, ноэто на крайний случай, кстати сам рюкзак, будет замаскирован под “рацию”, так что понять, что это огнемёт противнику не удастся.

— Противнику? переспросил Отто.

— Именно ему! Вы Отто, завтра в четыре ноль ноль, выступите в квадрат 43/80, именно там по нашим данным в районе Бреста, у реки Буг, постоянный пограничный пост, и множество “секретов”, обеспечивающих русских информацией, по состоянию наших войск. Эту операцию контролирует сам Канарис. Задействована целая танковая часть, бедные танкисты рычат моторами с утра до вечера и это в такую—то жару! Но мы несколько отвлеклись Отто, теперь, вы выведете своих подопечных на этот вот “секрет” русских, ничего более, а затем скрытно через квадрат 43/81 вернётесь в расположение базы!

— И это всё? Клаус? шепнул удивлённо Отто.

— Это поверь мне Отто и есть подвиг! так же шёпотом ответил Клаус.

— Но как же, подружиться с группой? спросил изумлённый Отто.

— Идите освойте огнемёт, ибо остальное, я как врач сделал, всё что мог, — добавил Клаус.

Летний рассвет встретил Отто, пением бесконечных птиц, подогнав под себя спец. камуфляж, Отто проверил оружие, хотя почему—то поймал себя на мысли, что руки ему врят—ли помогут.

Что этим тварям девятимиллиметровая дырка, даже если во лбу? мрачно шутил сам с собой Отто. Подогнав всё под себя, он направился в апартаменты Клауса.

— Ну что же дорогой друг, я готов!

— Брависсимо Отто, идёмте, я сегодня тоже встал очень рано, и с удовольствием провожу вас! Клаус улыбаясь прихватил с собой докторский саквояж.

Группа Отто была уже готова, в форме солдат С.С., с оружием выстроена в огороженной зоне.

— О, Боже! Эти люди, скалы не иначе, страх животных, страх пронизывал душу Отто.

Широко расставив ноги на манер часового, первый гигант сжимал на груди ручки автомата, его каска, с чуть заметными рожками, закрывала чуть не полнеба, чёрный плащ бойца С.С. больше походил на чехол для скал, хотя в прочем это был человек—скала! Отто поразили его глаза, скорее это были остекленевшие блюдца, словно бы вставленные в невероятно огромный манекен. Но вдруг манекен обернулся и своим не менее грозным товарищам и как—то неестественно для человека, заиграл скулами, те в ответ, издали не—то рык, не—то злобный вздох, однако выпятили вперёд грудь. Плащи из искусственной кожи издали характерный скрип, который тысячу раз слышал Отто, но тут, это был скрип ужаса, ибо он был помножен на тысячу складок огромного метража материи. Отто смотрел на них снизу вверх.

Кlaus издал команду, означающую присесть, взмахом руки вниз, словно собаке, те покорно опустились на одно колено, протянув правую руку к траве. Где—то в районе предплечья, около кисти, Klaus сделал по очереди, каждому укол. Отто побледнел.

— О, нет — это были не руки человека с засученным рукавом, нет! Это были настоящие обрубки гигантской анаконды, но вместо чешуи, человеческая кожа, усеянная сетью мощных синеватых вен.

Боже мой! думал Отто, как хорошо, что они служат в С.С., а не там, не в красной армии.

— Ну вот дорогой Отто, это им вместо напутствия, а вас — Храни Бог! Хайль Гитлер!

Отто в ответ вскинул руку — “Хайль!”

Klaus дружески похлопал его по плечу...

Дорога в нужный квадрат 43/80, казалось изучена Отто до мелочей, нет, он тут ни разу не был, но изучил казалось всё, карта была весьма точна, но что за ним с дыханием огромных, злобных зверей, будут ступать люди, да нет, он тысячу раз водил группы диверсантов, но это? Они ступали за ним тяжелой поступью, даже не пытаясь смягчить шаг, хруст ломавшихся кустов, порой пугал Отто.

— Чёрт возьми, — думал он, — это всё равно, что если бы я вёл танки, а их отдышка, чуть тише рёва моторов.

Они как—бы переговаривались между собой, издавали такие звуки!!! Это было рычание переходящее в надрывный толи смех, толи рёв с сопением слона, так что мурашки бежали по спине Отто.

— Так, привал, по карте это именно то место.

Отто сделал жест, которому обучил его Klaus. Гиганты сели, с быстротой обученных собак.

И вдруг, та безмятежная картина утренней реки, когда вода отбрасывая солнечные зайчики, казалось лечит сердце бальзамом спокойствия, произошло неожиданное.

Во первых, на другой стороне реки, Отто заметил в самой гуще кроны дерева, блеск стёкл бинокля. Он понимал, что Klaus не ошибся, их действительно засекли, но это не самое страшное, а вот один из его подопечных с диким рёвом перепугавши весь лес, в районе казалось ста миль, начал раздеваться! Идиотское подобие улыбки, было на его лице, остальные захлопали ладонями по траве, как бы подбадривая товарища, рёв был такой, что заглушил бы крик митинга чернорубашечников. Этот гигант был выше и мощнее других, но и остальные были около пяти метров, а этот...

О, Боже! Впервые Отто, ощутил свою недюжую силу, его рука так сжала стальной патрбук огнемёта, что он казалось вот, вот сплющится, и Отто невольно разжал пальцы.

Далее творилось что—то немыслимое. Гигант побежал в реку, но вода не могла укрыть его даже на половину, судя по карте максимальная глубина в этом изгибе реки не превышала трёх с половиной метров, да и ширина этого изгиба была не более семнадцати метров.

Гигант разозлился до предела. Видимо оттого, что вода не могла поглотить его огромное тело, и укрыть водной прохладой с головой. Он начал неистовствовать. Лежа вдоль течения реки, он остервенело бил по ней руками. Его торс, отрываясь от поверхности воды, всей

своей силой растопыренных рук, ударял по поверхности реки, и муть поднялась невообразимая, казалось со дна был приподнят весь ил в районе двухсот метров. Волны не менее трёх баллов обрушились на берег усеянный тиной, казалось гиганту хотелось ударами рук наказывать мелкую тихую речушку, за то что не могла его охладить от зноя.

Вдруг он встал и начал искать самое глубокое место в этом месте реки, нашёл яму, где вода дошла ему почти до уровня груди и погрузился в реку присев видимо на колени. Его не было около минуты, и вот, как фонтан из «жерло» из «дыхало» кита, его вынырнувший из воды рот, выпустил струи воды. От резкого поднятия гигантского тела, пошла волна, но он резко обернулся спиной к чуждому берегу СССР. И пошёл к своим, твёрдой, мощной походкой, разгоняя ногами муть реки с поднятым илом. Не пытаясь смыть с себя речную грязь, стал одеваться, быстро, резко, как бы заученными движениями.

И как только он был одет, группа неожиданно вскочила, выстроилась и не взирая на Отто, тронулась в обратном направлении, молча, чуть пригнув головы в гигантских касках, Отто так же встал, поправил «рацию» и удалился вслед за колонной. Кстати, он во время «купания» видел, что наблюдатель видимо от страха упал с дерева, характерно качнулась листва веток, и точно молниеносный блик, отсвет окуляров падающего бинокля...

Москва 1940 г., 26 июня.

— Послушайте генерал! Вы вот что, сегодня приведите—ка ко мне этих самых пограничников. Я сам хочу поговорить с ними!

Сталин положил давно погасшую трубку, не подавая признаков волнения, он добавил:

— На дачу в Кунцево, — и дал знак Голикову удалиться.

Москва 1940 г. 13 июня

— Ты что же это мразь! Опять за свои сказки! И следователь спец. отдела Н.К.В.Д. ударил и без того истерзанного лейтенанта пограничника. Я тебе покажу сволочь, пять метров, я мать твою к стенке поставлю, и осыпал молоденького лейтенанта, ударами рук и ног.

То что произошло на границе в районе Бреста в квадрате 41/96В, не укладывалось ни в какие рамки. В сотый раз «секрет» пограничников допрашивали по одиночке, и вместе, устраивали им очные ставки. Всё без толку, рассказ их совпадал до мелочей.

— Никита Петрович! Что у вас? Мои то отказались, мол всё выдумали, хотели со службы домой, ну того значит...

— Дурак ты Николаев, ой дурак! — закуривая произнёс Никита Петрович, полковник спец. отдела Н.К.В.Д. — Ты думаешь они на заставу не доложили, или ты думаешь нам сюда шифровку этот щенок лейтенант посылал? Ох дебил же ты! Ревел на капитана Н.К.В.Д. Николаева, полковник. Сволочь ты глупая, это уже до хозяина наверняка дошло! Понял?!...

— Товарищ генерал! Начал было он.

— Не надо Никита Петрович, сегодня «Сам» говорить с ними будет, сам. Сколько ты их не допрашивал?

— Две недели!

— Хорошо! Привести в чувство, и сегодня на объект №17, да именно в Кунцево, ох чуёт сердце недоброе, у Николаева отказались говоришь?

— Но товарищ генерал, слово вставил Никита Петрович.

— Ни каких но! Протоколы допроса следователя Николаева уничтожить, его группу и его самого!

Тут Голиков запнулся, однако Никита Петрович понял всё и без слов. Голиков немного выдержал паузу.

— В служебной машине вся группа, авария, выпивших никого, так же как и выживших!

— Слушаюсь товарищ генерал! И Никита Петрович, вышел из кабинета...

1940 г. Москва 26 июня, глубокая ночь.

— А что сынок? И Сталин сощурил глаза глядя на молоденького лейтенанта пограничника. — Здорово у нас в Н.К.В.Д. бьют? А? Ну а ты значит не отказался от своих слов? Или как?

— Товарищ Сталин! Начал было лейтенант.

— Не надо сынок, я всё уже знаю, но ты мне, как отцу Расскажи всё, всё поподробнее! И Сталин обняв трясущегося лейтенанта за плечи, усадил его в кресло рядом с собой, около освещённого ночной лампой камина. Голиков, Никита Петрович и даже сам Лаврентий Павлович, остались стоять за спиной сидящего с лейтенантом Сталина, в нерешительности переглядываясь.

Лейтенант повторил всё слово в слово, но тут вмешался сам Сталин.

— А с дерева от страха упал? Вдруг резко спросил он.

— Так точно товарищ Сталин! Доложил лейтенант. — Он как зыркнет своими глазищами в мою сторону, я думал заметил, страх меня прямо сковал, товарищ Сталин.

— А вот в рапорте писал, что ветка под ногой подломилась, получается врал?! А лейтенант? Сверкнув глазами посмотрел на него Сталин.

— Врал товарищ Сталин! Ответил тот. — Ну ничего, я считаю что это не трусость, а первая растерянность, вот посмотри, и Сталин указал на стоящих позади него генералов. — Они тоже не знают что делать, тоже растерялись, видишь молчат! Как твоя фамилия лейтенант?

— Иванов! Иванов Степан Сергеевич, товарищ Сталин, доложил ему лейтенант.

— Товарищ Голиков, я вижу что лейтенант Иванов рассказал правду, не взирая на ваше давлением, поэтому отправьте майора Иванова, на прежнее место службы!

— Слушаюсь товарищ Сталин! Отрапортовал Голиков. Иванова вывели из кабинета.

— Мне сдаётся, что этот квадрат надо хорошенько проверить? Как вы думаете товарищи генералы. Ходят слухи, что у нас в СССР есть лагеря спец. подготовки лучших в мире разведчиков, и нигде нибудь там, а у нас в Подмоскowie? Верно Лаврентий?

— Верно товарищ Сталин! Есть такие группы!

— А чем сейчас они заняты? Лаврентий?...

Красноярский край: болото

— Закимарил что ли Сидоров, аль сон недобрый видится? Хрипой толкнул его в грудь рукой. — Стонешь, всё спрашиваешь — «За что?», «огонь» поминаешь? Аль видать грешен шибко? Оскалился Хрипой.

Сидоров промолчал, вяло приподнялся с земли, а с ним и его соратники, что так же, как и он дёргались телом в тревожном сне.

— Ну бродяги, сейчас по гати, на большую землю, там привал, а я за ружьишком сбегая, но прошу «пардону» фраера. За мной ни—ни, личный мой это схрон, личный!

— О, Господи, вот дурень, выдохнул кто—то, да нужны нам твои схроны, как зайцу курево, ты оружие носи!

— Ну добро, за мной фраерки! И Хрипой резко вошёл в топь болота. По вонючей от перегноя жижи, барахтались часа два, порой казалось что вот вот кончатся силы. Но впереди маячила земля, пока ещё кривыми от сырости и близости болота, сосновыми стволами, а всё же вон она цель!

Хрипой вышел на поляну первый, за ним остальные. Тёплое солнышко светило поляну, небольшая гряда камней белела чуть в стороне, и они повалились на траву.

— Ну полкашка! Скоро вона кордон—то, краснозадых, дерзай, злобно шутил Хрипой. Он—то как никто другой знал, что никакого кордона не будет, что «преследователи» пройдут мимо с собакой, что он лишь доложил начальству — готовы на всё! И его может малая запиночка, крутнет маховик красного террора, мол всё в порядке, это настоящие враги, готовые

на убийство своих. Хотя вряд—ли, это было так, эти девять человек были обречены, кроме Хрипого, ибо после прохода кордона, он знал куда и где высматривать сломанную ветку, куда ему «нырнуть» словно суслику в нору, от насмерть разящих пуль. Знал, заучил, как строевой устав, инструкцию начальника лагеря Бывалого, в этом была его жизнь.

Трое Н.К.В.Дешников с собакой, шли таёжной тропой косясь куда—то в сторону от беглецов. Это были молодые парни из охраны лагеря.

— Вот тебе и «кордон» товарищ Сидоров, ёрничал Хрипой.

— Но почему же они не устраивают засады, а? Переспросил его Сидоров.

— Ну а ты откель знаешь—то? Отвечал ему Хрипой. Его лично не устраивала «игра» начальника лагеря Бывалого, он ненавидел его за то, что тот позволил себе издеваться над ним. В сущности, ему был совершенно безразличен, итог этой игры и ситуация того, что что—то пойдёт не так, его устраивало. — Ну хоть Бывалого накажут! В слух произнёс он.

— Не понял, что? Переспросил Сидоров.

— Я грю Бывалого накажем! Улыбаясь как—то странно пояснил он.

— Товарищи! Начал свою речь Сидоров, потом немного замялся. — Друзья! Слушай мою команду, сюда направляется наряд, из трёх человек с собакой, приказываю вам, наряд обезоружить, связать, без кровопролития, завладеть личным оружием, допросим на месте, выясним, есть ли засада и где, какими силами. Задача ясна!

— Так точно! Ответили ему шёпотом бойцы.

— Антонов! Кривобоков! Петренко! И я с вами, остальным затаится и быть наготове! Вопросы? Хорошо товарищи!

Трое ещё совсем молоденьких бойцов из охраны лагерей Н.К.В.Д. шли усталым шагом, им казалось совершенно безразлична судьба беглецов, они словно отработывали номер, и эта небрежность насторожила Сидорова.

Место нападения выбрали с помощью Хрипого.

— Вон аккурат той гряды двинутся, а вы уж сверху—то!

— Добро Хрипой! Ответил ему Сидоров.

Собака шла впереди, опустив голову, понутив хвост, не то что бы не искала след, но казалось вела этих бойцов к своим, дескать «толку нет, да и устали очень!»

Сидоров и трое его бойцов, вооружённых ножами, затаились на небольшом каменном уступе, затаив дыхание ждали наряд, как только те поравнялись с ними, по команде Сидорова, его бойцы прыгнули на них сверху. Эффект неожиданности сработал на сто процентов. Поводырь, что вёл собаку, был так подавлен нападением, что лёжа на спине, широко выпучив глаза, придавленный телом Сидорова, только и шептал: «Мамочка не надо, я же ничего...» Собака вопреки ожиданию не издала ни звука, она один раз дёрнулась на поводке, привязанного к руке поводыря и тихо поскуливая легла брюхом на землю. Они не оказали ни малейшего сопротивления. Добыча отряда Сидорова составила три карабина и три «языка».

— Где засада? Отвечать живо! И Сидоров глядя в глаза молоденькому бойцу Н.К.В.Д., схватил его за ворот гимнастёрки. Тот моргая насмерть перепуганными глазами, шептал только одно — М—м—м машины погрузили, ищи край болота!

— Пётр Иванович! Подозвал его Кривобоков. Ты посмотри, ни ракетниц, ни сухого пайка, мой говорит тоже самое, маршрут по карте и всё! А кого ловят, чего ищут? Ох и не нравится мне всё это.

— Да Кривобоков, странно, они не врут, нет впереди кордонов и засад, вот что удивительно! Ну ладно, оружие приготовить на всякий случай, этих связать, свои найдут и всё впредь, путь свободен.

— Э, командир так не потянет! Вмешался Хрипой, мы же договаривались этих... и резнул себя ребром ладони по горлу, ты знаешь свидетелей оставлять не след! Зло шептал Хрипой.

— Не время сейчас, счёты сводить, пошли к твоему тайнику, теперь путь свободен, ну зачем нам кровь этих щенков?

— Может и свободен, а может и нет, но мы с тобой о чём толковали? Помнишь?

Они стояли вдвоём на полянке, остальные беглецы сидели в низине у ручья, запасаясь водой в дорогу, около них лежали три связанных красноармейца и уже убитая Хрипым собака.

— Не надо лишней крови Хрипой! Отвечал ему Сидоров.

— А если их не найдут, ох не по—христиански людей на голодную смерть оставлять!

— Послушай, через пять—шесть часов наряд этот хватятся, пойдут по маршруту, и всё! Отвечал ему Сидоров.

— Вот, вот, а они и скажут, что да как, и незаметно наклонившись к сапогу, как бы поправляя брючину, Хрипой мгновение ока вытащил из голенища нож, и припав на колени, словно заученными движениями, перерезал горло всем троим связанным.

— Ну вот и ладненько, вот и хорошо, теперь они ничего никому не скажут! Шептал Хрипой, вытирая лезвие ножа о гимнастёрку одного из убитых. Кровь напором била из перерезанного горла молоденького бойца, он, казалось, ловил ртом воздух, но тело уже теряло жизнь, конвульсии его ног в новеньких сапогах, уже практически не нарушали покров таёжной земли.

— Зачем Хрипой? Зачем! Шептал в отчаянии Сидоров.

— А вот так, как и собачку, вот она лежит с таким же красивым горлышком! Хе—хе—хе! Злобно издеваясь, отвечал тот. — Вот, теперь пойдёшь полкашка со мной! Шептал Хрипой.

— Куда? Как—то глупо, странно спросил от неожиданности и боли Сидоров.

— Довооружаться, родной! Довооружаться!

Спустя три часа, после мотания по тайге, они вышли на огромную лужайку, со всех сторон окружённую лесом, по среди неё, как бы в овражке белели небольшие, по таёжным меркам валуны.

— Ну господа! Всё приехали, это так скажем конечный пункт! Как—то загадочно шутил Хрипой...

— Сёмко! Ты о чём сейчас мечтаешь? А? Шептал ему Синёв.

Они давно заметили группу беглецов, и согласно правилам ведения такого боя, распределили каждый своих. Ошибки и промахи были исключены, что достигалось упорными тренировками по мишеням спец. лагеря, но это живые люди и тут возможно всякое. Хотя, судя по их личным делам, людьми—то их назвать можно с натяжкой!

— Саша! Ну а это кто? Ну откуда этот десятый?

— Сёмко, «работаем» согласно инструкции... незнакомца не трогать, сдадим его живым.

— Кому Саш? У нас нет такого в задании. Вернёмся, вот ей и доложим, где лежит этот десятый. А уж она пусть решает...

— Нет, Сёмко, всё, работаем!

Раздался первый выстрел. Сидоров видел две картины одновременно, как Хрипой упав на колени, мирно разбросав руки и ноги словно паука, гигантский человекообразный паук, мерзко скалясь, не то в испуге, не то в злорадстве глядя на Сидорова, не то полз, не то бежал к тем самым малоприметным камням, среди лужайки.

Кривобокову пуля угодила прямо в лоб, и он падал на спину, встав словно на носочки вытянув колени вперёд, и падал.

— За что? Сказал в сердцах Сидоров...

1922 г.

Кривобоков, тогда ещё молоденький командир Р.К.К.А. участвовал в поимке банды «Лёшки Весёлого» в Днепропетровске, они с полусотней бойцов, имея в своём составе две

тачанки с пулемётами «Максим», окружили небольшой хутор. По сведениям местных активистов, «Лёшка Весёлый» со своей бандой скрывался в лесу, что окружал хутор.

Жителей этого хутора Кривобоков, выстроил около двух огромных сараев, пытаясь объяснить им, что они являются родственниками главарей банды и будут стоять тут до тех пор, пока те не выйдут из леса, и добровольно не сложат оружие.

К лесной братии, были направлены пятеро красноармейцев—парламентёров с ультиматумом: «Сдаться властям». Однако переговоры затягивались.

И вдруг на дороге появилась процессия. Среди заложников из хутора, кто—то крикнул: — Вот насадят головы ваших парламентёров на колья и понесут, как хоругви на шестах, тоды узнаете бесы, как детей—то малых с мамками кормящими на жаре держать—то!

И действительно по пыльной дороге, ведущей в хутор, шли около двух десятков людей, а впереди них шли трое знаменосцев, что несли на высоких шестах нечто похожее на мячи в шапках с красным околышем.

У Кривобокова помутилось сознание, он отчётливо видел голову на шесте, своего лучшего друга Давыда, что не раз спасал ему жизнь в лихих сабельных атаках.

— А—а—а! Заревел словно раненый зверь Кривобоков и припал к пулемёту. А—а—а! Ревел он, даже тогда, когда закончилась лента и у второй тачанки!

Месиво из кровавых тел, укрыло площадку возле этих злосчастных сараев. Кривобоков рыдал на взрыд, «Давыд Давыд!» только и повторял он.

— Товарищ командир, что с вами! Давыд тряс его за плечо.

Вращая безумными глазами, Кривобоков обхватил руками, мощные плечи Давыда.

— А как же колья? Слово в бреду произнёс он.

— Так тож мы сами шапки свои на шесты одели, для потехи, а банда сдалась, вот мы и хотели вас пострелять!

Из приказа по Р.К.К.А. от 13 июня 1922 г.

«...За образцовое выполнение, революционного задания, по поимке и уничтожению банды «Лёхи Весёлого». Старшего командира Р.К.К.А. Кривобокого В.П. повесить... и представить к награждению именным оружием...»

1937 г. Москва

Старший следователь Н.К.В.Д. Семёшин Лев Петрович

— Кривобоков В.П. ещё находясь в рядах Р.К.К.А. в должности командира эскадрона, вступил в связь с бело—бандитским подпольем Днепропетровской области... Дискредитируя тем самым советскую власть... Суд вынес приговор, десять лет, без права переписки...

Пули невидимых стрелков ложились точно в цель, его отряд был растерзан в мгновение ока. Сидоров лежал на земле, слыша только стоны уже умирающих товарищей. Он полз, словно сравнился с травой, стараясь не шевелить даже малый стебель. Туда к спасительной чаще векового леса.

— Коров, Сёмко! К своим, живых нет! Я к девятому! Выполнять!

Чудом Сидоров добрался до края тайги, но его спина чувствовала дыхание смерти, что шло по пятам.

— Вот чёрт! Думал Синёв, как бы одежду не испортить, а зэк оказался пряткий, вон как ломится по чаще, смешно право, а говорят, что у загнанного человека силы утраиваются, идиоты! И он чуть прибавив скорость, в три мощных прыжка, тренированного тела, настиг беглеца.

Все виды оружия, использовать по возможности, все виды оружия, это ваша задача, наряду с прочем. Ну вот и всё! Подумал Синёв, очутившись с Сидоровым на расстоянии броска кинжала.

— Ну, ну ещё, ещё быстрее! Гнал сам себя Сидоров, глубже в лес, — ну хотя бы попробую... Но это была последняя фраза Петра Ивановича.

Тупой удар в левую лопатку, короткая, словно молния режущая боль и чернота перед глазами.

— Саша, живой... нет! Лихо ты его! Говорили подошедшие к нему Коров и Сёмко, — десятого выковырнули еле—еле из под камней, схамутали гада, но он почему—то орёт – Доложите начальнику лагеря, какому—то Бывалому!

Странно! Саша перевернул на спину Сидорова, вынув из его спины кинжал. Странно! Думал Саша, зачем я перевернул его, зачем? И где же я видел этого человека прежде? Где же я его видел? Чертовщина какая—то?!

Ровно в шестнадцать ноль ноль, они стояли в тех же заграничных костюмчиках, с идеально начищенными ботинками.

— Галина Платоновна! Улыбался он.

Синёв начал было докладывать, о связанном десятке человеке, вернее члене банды, но та резко оборвала его.

— Ребята, это детские игры, вы в Москву, очень, очень срочно!...

Москва 1940 г. 29 июня

— Всё товарищ генерал!.. Так точно, группа опробованна на живых людях!.. Так точно, безупречно! Всё можно хоть сейчас во Фр...

— Не понял Демьян Совельевич?

— И как нет? Есть выполнять!

Андрей Петрович, положил трубку спец. связи; Почему в Белоруссию, зачем? Почему так секретно? Ни чего не понимаю, думал он глубоко затягиваясь сигаретой, а между тем, на стол Сталина легла следующая докладная с грифом „особо секретно“.

27 июня 1940 г. в районе села Тихое, квадрат 23/56 на Немецко—Советской границе, произошёл следующий инцидент...

— Дедушка, ну обещал ведь—а?

— Танечка, внученька, ну сколь раз говорить, утречком, после дождичка и пойдём по грибки—то.

— Ну значит завтра? — не унималась городская внучка десяти лет, что приехала на побывку к дедушке Ивану Ивановичу Бережко с самого Минска.

— А вот от средненького сына внучка—то? Ага—ага! Да! Андрейкина! Да вот аказия, грибы ей подавай! — отвечал Иван Иванович соседям, что кланялись ему, идя на встречу.

Танечка была рада каждому грибку, что притаился под кустом, возле каждой берёзы или осины. Но чаща становилась всё гуще, и дед стал частенько покрикивать ей в след.

— А ну не замай лишнего! Ау—ау!

Танечка подошла к огромной сосне, что притаила у своего основания огромного корневища, группу каких—то грибов. И вдруг она увидела носок огромного сапога, настолько огромного, что неожиданно взвизгнула. Дед Иван Иванович поспешил на визг. Вдруг из—за сосны, как—бы отделившись от её ствола, качнулся огромный человек!

Он был одет в чёрный плащ, в каске с небольшими рожками и с огромным автоматом на груди.

Таня замерла от ужаса. Гигант наклонился к ней, и взял её одной рукой за «грудки» платья так что материя, облежавшая спину девочки чуть не лопнула, и словно куклу поднял к своим глазам. Он смотрел на неё ничего не выражающим взглядом, слегка крутя головой в огромной каске, слегка поигрывая желваками челюсти.

Дед Иван Иванович, оторопел, он смотрел на картину происходящего из ближайших кустов, что вели на голос Тани. Сандалики его внучки висели на высоте примерно пять метров от земли, неестественно болтаясь, как бы на верёвочных ножках.

Вдруг „гигантский солдат“, словно тряпку, швырнул Таню в противоположный, совсем ещё молодой ельник, густо укрывший поляну своей молодой зелёной хвоей.

Он попрежнему правой рукой придерживал висевший на груди автомат. Взгляд его ничего не выражал, даже удивления, и он не глянул куда бросил ребёнка. Казалось, и не понял, что это было живое существо. Ещё мгновение он посмотрел куда—то вдаль и скрывшись за сосной пошёл в глубь леса. Его огромная спина в чёрном плаще, ещё долго мелькала среди деревьев.

Дед подбежал к ребёнку, Таня была без сознания.

— Господи Боже! Косточки целы? — шептал дед, видать ельник удар смягчил!

Врач погран. поста №198

Прокопенко В.П. Докладная

„...Ребёнок поступил на осмотр спустя примерно три часа, после падения с высоты пять—семь метров. Переломов нет, имеются ссадины и ушибы по поверхности кожи рук, ног, состояние шоковое, сознание прерывистое, истерика. Родственник ребёнка рассказывает совершенно невероятную версию получения ушибов в следствии падения...“

27 июня 1940 г старший следователь по особо важным делам, направленно в спец. отдел Н.К.В.Д Москва.“

Москва 1 июля 1940 г

Лагерь спец. подготовки Н.К.В.Д.

— Саша! — ныл Олег Коров — Ну что они из нас рыб делают?

— Олег! Не ной, значит так надо! — дружески отвечал ему Синёв, вон смотри Сёмко, даже слово не проронил, а между прочим, как и мы двенадцать часов сидит в воде.

— Бокс, ныряние, бокс, ныряние, рыбы—боксёры! — ворчал Коров.

В чём—то он был прав, их выпускали на ринг против мастеров спорта С.С.С.Р., последние работали на совесть, словно выполняя задание партии, выиграть чемпионат Мира. Это было похоже на избиение не более того. Потом, снова заросший тиной пруд, река, снова бокс, спать практически не давали. Боли они давно уже не чувствовали, впрочем как и желание жить, «девятым» на спец. подготовке совсем озверел, только работа с холодным оружием, постоянные упрёки, и снова бассейн, точнее пруд. Однажды их вызвали в спец. класс и полковник Заев «понёс».

— Вам родина, поручила ответственное задание, и от того, как вы его выполните зависит судьба С.С.С.Р.

— Ну так уж и С.С.С.Р. — удивился Сёмко.

— Именно так товарищи, именно так! — добавил Заев — Я вам лично желаю удачи и желаю её от лица руководства С.С.С.Р. — как—то странно закончил он.

— Ничего себе Санёк! — как—то глупо улыбнулся Коров, находясь уже на улице учебного городка. Вот это да! От лица руководства!

— Послушай Олег! — как—то не впад ответил ему Саша. — А не кажется тебе дружище, что тогда, в тайге, это была просто бойня, и ничего более, этих зеков гнали на нас, точно зверей, нет? И место выбрали словно специально?

— Да хватит вам ребята! — вмешался Сёмко — Мы офицеры, это наша работа! Родина приказала мы выполнили, кстати и со званием внеочередным не обманули.

— Да нет ребята! Я не о том, просто очень странно всё это!

— Саша! Не принимай это близко к сердцу, вот мозги—то сейчас нам промоют!

— Точно — добавил Сёмко — Вон идут.

— Группа «девятого» в бассейн! — резко скомандовал посыльный.

— Ну, а я что говорил? И улыбаясь все трое двинулись к реке...

Неожиданно в воскресенье им дали увольнительную в город, до нуля часов, Саша так обрадовался, что даже забыл, ну хотя бы из чувства такта спросить Олега, где и как он собирается провести часы отдыха, все его мысли были направлены к той единственной, что не давала ему покоя уже несколько месяцев — Татьяна!

Татьяна:

Они познакомились случайно, в метро, когда усталый от бесконечных полит. занятий лейтенант Александр Синёв, возвращался в общежитие для курсантов Н.К.В.Д. В переполненном вагоне метро, они очутились рядом. Толпа людей казалось нарочно жила их своей массой друг к другу, словно невидимый «кукловод» там высоко в небе, переплетал всё теснее и теснее прижимая их тела, нити судьбы, этих совсем ещё юных молодых людей.

— Товарищ лейтенант, вы что, от своей артиллерии совсем оглохли что ли? — ворчала недовольно Татьяна, упираясь маленькими кулачками в грудь Саше. — Я же говорю вам, ну подвиньтесь—же хоть немного!

Саша был удивлён, во первых, по инструкции он носил форму лейтенанта артиллерии, во вторых она разбиралась в нашивках и шевронах, а в третьих, до чего—же она была хороша!

Её упругая грудь, упиралась в его мощное тренированное тело, словно небольшие резиновые мячики, а волосы??? Саша, что называется обнаглел и незаметно вдыхая аромат её чудных каштановых волос, трогал их губами!

— Что я вытворяю! — корил себя Саша, но устоять не мог.

Они вышли из метро на станции «Маяковская», он уже не в силах был отпустить её руку.

— Да пустите! Пустите—же наконец! — как—то неуверенно шептала ему Татьяна, и толи дружески толи в насмешку, полу шепча добавила: — Я милицию позову!

Саша молчал, слова путались в голове, и он еле выдохнув добавил:

— А как зовут милицию? — и густо покраснел.

— Милицию зовут с визгом — «караул»!

И она искренне рассмеялась своей очаровательной улыбкой, её алые губы, чуть оголили кончики белоснежных зубов.

Однако на станции метро её ждал «ухажор». Это был развязанный тип по имени Петя, родители его занимали где—то в министерстве, какой—то высокий пост, и он позволял себе некие выходки, «шуточки» как он их называл. Он не давал прохода Татьяне, и та, уже не зная как отделаться от этого ухажора, тем более, что они были соседи по дому, решила сегодня высказать ему всё, всё.

— А Танюха, очень хорошо! — и Петя в свойственной ему развязной манере бесцеремонно взял Таню за локоть.

Саша обернув голову на голос:— А, Танюха, так посмотрел на Петю! Что тот, заикаясь поздоровался с Сашей, начал пятиться, словно рак назад, и с тем—же глупым видом — «Зззда-расте!» скрылся в толпе шедшей в метро.

— Значит тебя зовут Танюша? Простите, вас! шепнул Саша.

— А тебя наверное Гаргон!? весело улыбаясь ответила она.

— Почему Гаргон? нежно улыбаясь спросил он,

— Ну во первых! деловито начала Татьяна, если вы читали мифы древней Эллады, то бишь Греции, то там была такая медуза Гаргона, от взгляда которой каменели люди и животные, а вы мужского пола, значит Гаргон. И Таня кивнула в сторону, мгновение назад убежавшего Пети. И как—то по деловому добавила по прежнему глядя в ту сторону: Да, что—бы не окаменеть!

Саша, измученный серьёзными темами учёбы, о международном положении, о врагах, внутренних и внешних, так давно не слышал ничего ироничного, что стал смеяться как ребёнок, громко и искренне, даже может быть излишне дал выход своим эмоциям, что люди как—то стали коситься на чрезмерно весёлого лейтенанта.

— Ты знаешь, добавила она, я не знала, что скажу этому типу, но ругаться с ним была моя, как говорится у вас военных, основная задача, а тут получилось так здорово! И она искренне улыбнулась ему. А как тебя зовут? спросила она.

— Саша! ответил он, густо покраснев.

— Ну что же спаситель Саша, идёте! добавила она, несколько бесцеремонно взяв его под руку.

Она болтала без умолку, ибо и ее бесконечные лекции о «строении вещества», о «морях» и «долах» тоже утомили перед надвигающейся грозой — под названием сессия.

— А вы, вот вы что изучаете? спрашивала она, и не дожидаясь ответа добавила — Я знаю «недолёт, перелёт», и сама—же искренне смеялась. Послушайте Саша, для артиллериста у вас просто огромные мускулы. Вы что же снаряды подаёте? шутила она.

— Да, я это... замялся Саша, ну да правильно Таня, снаряды подаю!

— Ой врешь, ой врешь! улыбалась она, по—прежнему цепко сжимая своими тонюсенькими пальчиками, его могучую правую руку. Ну куда вы меня ведёте? вдруг серьёзно спросила Таня

— Да я... никуда! робко ответил он.

— Ага ясно, значит в кино? спасибо конечно, но во первых, я на улице с молодыми людьми не знакомлюсь, а во вторых, не хожу с малознакомыми людьми в кино!

Неожиданно для себя, он подхватил её на руки и занёс в ближайший магазин, игнорируя протесты покупателей.

— На улице вы не знакомитесь, а в магазине? В магазине—же можно?! искренне добавил он.

Таня смеялась так, что покупатели стали неодобрительно «шикать» в её сторону, покачивая головами.

— А ты находчив, Саша! но, на счёт кино я пошутила, пошутила по отношению ко тебе, и опустив глаза прижалась волосами к его груди.

Нахлынувшая волна ударила огнём в грудь Саши. Он обнял её так, словно они были давно знакомы.

— Ну, ну, товарищ лейтенант, вы не очень—то, а то обижусь! шепнула Таня, однако не делая даже попытки вырваться из его объятий.

Вот так они и стояли, обнявшись в магазине, под неодобрительные взгляды наполнивших его людей, а за окном, вдруг разливая огромные лужи резвился весенний дождь.

Они гуляли по весенней Москве, до темна. Саша молчал, но не от растерянности, нет, а всё потому, что говорила безперебоя Татьяна. Она рассказывала, как тяжело жить одной на маленькую стипендию, что подруги давно уже крутят амуры с однокурсниками, а ей, кроме учёбы и пойти—то некуда, что он первый, кто обнял её, что Петька вообще гад наглый, и что теперь у неё есть он, Саша!

А Саша молчал, он просто не мог вымолвить ни слова, он влюбился в неё с первого взгляда, он так хотел, что бы его любовь, его первая любовь и была именно такой. Чистой, лёгкой, без капризов и женских хитростей, о которых так часто говорили его сокурсники. А главное что ему было легко с ней, именно спокойно и легко, и чего греха таить, она была так хороша собой, что если бы ей сниматься в кино... Нет, эту мысль он отбросил, потому что кино, это слава, цветы, банкеты, поклонение — такие вот Пети! Саша нахмурился.

— Товарищ лейтенант, вы чего нахмурились? спросила его Татьяна.

— Нет, в кино мы не пойдём! резко заявил он.

— Да? А куда же? удивлённо спросила она.

— Танечка, а вы любите мороженое? неожиданно для неё выпалил он.

— Конечно люблю, только покупать его буду я, потому что здесь не вкусное, а вот у метро вкуснее. И снова бесконечный диалог, словно доброй хозяйки, знающей, что где лучше, и тем более дешевле и вкуснее.

Первое свидание закончилось в мгновение ока, стало темнеть, представляете и это весной! Налетели тучи и Таня засобиравшись домой. Около подъезда, Саша был смущён, он не знал, что—бы ей сказать такое, что... или поцеловать? Но он не умел целоваться, а что же сказать?

— Саша! вдруг сама сказала Таня. Не надо ничего думать страшного и плохого, подъезд вы знаете, квартира №15. В любое время слышишь Саша, в любое время! Ты человек военный

и у тебя плохо со временем. Я понимаю как—то грустно добавила она. Я буду ждать тебя в любое время, Саша! До свидания! И почти убежала в темноту подъезда.

Саша прислонился спиной к подъездной двери, тяжёлая волна ударила, казалось в самые ноги, идти не хотелось, он присел на лавочку у подъезда.

— Я люблю её! сказал он вслух, сам себе. Вдруг в темноте, где—то там, в глубине двора, он увидел огоньки от трёх мерцающих во мраке сигарет, и ему послышался какой—то язвительный шёпот.

— Не тут, выйдет со двора!

Саша встал и резко направился на «огоньки» тлеющего табака. Так и есть, в глубине двора, за малюсеньким столиком, сидела компания из пяти человек, но Петя, его недавний знакомец, сидел на столе, болтая ногами, в отличии от его приятелей сидящих на лавке, внимающих каждому его слову

— Ну вот, на ловца и зверь бежит! зло и как—то вызывающе, шутил Петя

И тут Саша инстинктивно сделал такое, что...

У малюсенького столика были неровно спилены доски, края стола, толи делали впопыхах, толи хотели тем самым удлинить его, вот и получилось, что край одной доски выпирал от остальных, сантиметров на десять, словно зуб во рту младенца.

Не сбавляя темпа, Саша подошёл к компании и коротко замахнувшись ребром ладони, с коротким выдохом, точно по инструкции «девятого», ударил по выступающему краю доски. Отломившийся край, завис перпендикулярно к земле, причём надлом был словно по линейке.

— Молодые люди, курить на ночь вредно, пугать одиноких прохожих не хорошо! И взяв Петю за грудки, как щенка, притянул к себе правой рукой к самому лицу.

— Ещё раз услышу о тебе! и помотал головой из стороны в сторону. По домам! Выполнять! Бегом марш!

Дружная толпа кинулась в рассыпную, Саша ослабил пальцы руки — Петенька, а вас что же не касается? шепнул Саша

— Понял! коротко ответил Петя и рванул, что есть силы домой.

А затем был изнуряющий кросс «домой» в спец. общежитие Н.К.В.Д. Так и закончилось его первое в жизни свидание!

И так долгожданное воскресенье, нет не сам день недели, нет, а то что с ним связано. Ведь Саша не мог знать о том, что им дадут увольнение до нуля часов, но твёрдо знал, что это будет свидание с той единственной. С той... с Татьяной!

Он не шёл к ней по знакомому адресу, он «летел». Уже в знакомом подъезде растерял на лестнице, огромный букет роз. Цветы сыпались разорвав лёгкую упаковку, но Саша и не пытался их собрать, он уже ничего не хотел понимать. Он не мог и не хотел отвлекаться, на эту

мелочь, Таня! Он нашёл кнопку звонка, открылась дверь и Таня минуя его объятия выбежала на лестницу, и на удивление Саши, через мгновение вернулась с цветами, растерянными им.

— А я в окно тебя видела! Я слышала у двери шорох цветов и твои быстрые шаги! шептала она, сквозь объятия.

— Но откуда? шептал ей Саша

— А я часто тебя жду, вот так, сидя у окна, — отвечала она.

Саша, разгуливал по комнате в сотый раз, рассматривая портрет, висевший на стене. Это был молоденький красноармеец, сидевший на стуле, опиравшийся на боевую шашку.

— Ну, где же я его видел, а? Где? вдруг кольнула в его сердце неожиданная, нежданная боль.

— Саша, ну что ты там делаешь, а? окрикнула его с кухни Таня, заливая букет с розами водой.

— Иду, иду любимая иду! Но где же? А вот и я, Танечка. Ну что же в кино, или может быть...?

— В кино Саша, а вот потом может быть...? в такт ему ответила она.

Билеты в кино было не достать, нет это было столпотворение. Картину «Весёлые ребята» показывали наверное в сотый раз, но вот зрителей от этого не уменьшалось.

Саша подошёл к группе спекулянтов, тихо стоявших в стороне от входа.

— О, лейтенантик, что билетик? Пятёрочка за один.

— Ребята, да вы чего, ну три рубля! ответил Саша

— Ты что же это щегол, условия нам будешь выставлять? ответила троица и грозно двинулась на него.

Как назло подошла Татьяна,

— Саша, что случилось? но было поздно, толпа подогретая алкоголем, была предельно агрессивна, и на них двинулись с трёх сторон.

Решение возникло в голове Саши в одно мгновение, он резко подхватил Таню на руки и рванул стометровку так, что «агрессоры» только рты разинули от удивления его поступка, и той скорости с которой он ретировался.

— Ничего себе! шептали они между собой.

Саша опустил Таню на землю, и спокойным чуть чуть задышавшимся голосом сказал: Таня! Сто раз смотрел я «Весёлых ребят» в «Модерн» пошли на «Волга—Волга»! — честное слово. «Пошли, а?»

Возвращаясь из кино, Таня вдруг загрустила

— Что с тобой? Танечка! шептал ей Саша

— Санечка, мне страшно! ответила она

— Почему? Кого ты боишься? взмолился он. Прошу тебя, молю ответь! шептал он, целуя её тонюсенькие пальчики

— Я так и знала, у тебя взгляд победителя, зверя, мол только скажи и я разорву любого! Саша, кто ты? Ты не тот, за кого себя выдаёшь! шептала плача она.

— Но, Таня! начал было он

— Что Таня, что!? плакала она. Ты познакомился со мной в форме артиллериста, сегодня ты лётчик! Как это понять?

— Таня, я перешёл в авиа....

— Не лги мне Саша, не лги! Я всё таки медик, у тебя огромные гипертрофированные мускулы, мягкие как вата, когда ты спокоен, и жёсткие как сталь, когда ты злишься. Это значит кровь в одно мгновение заполняет их, а это говорит о том, что у тебя очень большое и сильное сердце.

— Ну разве это плохо Таня, что я так здоров? шептал он

— Ты отлично тренирован, поэтому и сердце работает так, а не иначе, костяшки твоих рук, сильно деформированы, однако кожа не повреждена. Ты что боксёр? Нет, ты никогда не говорил, что занимаешься боксом. Саша, ты весь в синяках, упорно скрывая боль от моего прикосновения, и ни звуком не выдавая её, и лишь зрачки реагируют на боль. Саша не пытайся лгать, я скоро буду врачом, я медик Саша, не ври пожалуйста, кто же ты? плакала она

— Я солдат своей, прости нашей страны! Не говори больше об этом, не надо Таня, я солдат! Верь мне!

— Сашенька, мне страшно!

— Ну вот, опять за своё, только вот что, никому не говори о своих выводах, никому слышишь!

Возвращаясь в спец. лагерь Александр был впервые обескуражен.

— Вот идиот, оделся в лётчика! Нет Саша, не то, не то тебя гложет, ты дорогой мой не можешь забыть портрет, и боишься его взгляда, того самого красноармейца. Да, вот так!

— Ну дружище, как Татьяна? весело подмигнул ему Коров

— Да нормально! шепнул Саша

— Поссорились что—ли? нахмурился Олег

— Да ты накаркаешь! разозлился Саша

— Верю, верю! умолкаю!

— Группа «девятого»! На полосу! голос дневального подобно рупору, разорвал тишину

— О боги! Опять началось! недовольно заворчал Коров...

Петюня:

— Вы, что же дорогой товарищ Бякин, Пётр Петрович, говорят в комсомол не верите? А? И к тому же, водочкой злоупотребляете! А ведь в будущем поди в начальники метите? — и молодой, лет двадцати восьми следователь Н.К.В.Д. Синицын, крутя в пальцах карандаш, из —подлюбя поглядывал на Петю. Того самого Петю, что ухаживал за Таней.

Вообще—то, вербовка агентом среди золотой молодёжи для него, капитана Н.К.В.Д. Андрея Андреевича Синицына, было привычным, или как говорят обыденным занятием.

Трусливый такой, властный кролик чуть пугни и всё, всё. На папу будет надеяться, так это напрасно, но дам, дам зайчику волю, пусть распалается!

Но тут вдруг произошло неожиданное.

— Товарищ следователь, — начал деловито Петя, — я вам вот что скажу, я Петр Петрович Бякин, раскрыл сеть японских шпионов! — сказал и сам удивился своей смелости Петюня.

Чего угодно ожидал Андрей Андреевич, но только не такого.

— Что? — сам не ожидая от себя выдохнул он.

— Нечего удивляться, Андрей Андреевич! Именно так! Ибо и товарищ Сталин призывает нас к бдительности! И вот ещё, что, оформляйте—ка меня секретным агентом Н.К.В.Д., с надлежащими бумагами и материальным содержанием.

— А факты? — как—то по—детски наивно прошептал следователь.

— Будут бумаги, будут и факты! — закончил Пётр.

Ровно через три дня в кабинете следователя писали целый роман о подвигах японского разведчика.

— Ну, а как ты догадался—то Петя? — ласково шептал ему Андрей Андреевич.

— Да очень просто, во—первых батька, припёр из—за границы книгу «Тайное оружие японских ниндзя» — каратэ, вот там—то на рисунке, я и увидел удар ребром ладони, по доскам.

— Да! Как просто! — шептал Андрей Андреевич. — Ну, ну, а далее?

— А далее, этот лейтенант блеснул ещё не так! То он артиллерист, то лётчик, мать его!

— Ну брат, ты молодца, ай молодца! — восторгался Андрей Андреевич. — Ну и я тоже, скажу тебе кое—что, кашу мы заварим знатную, но ведь и с подружкой своей артиллерист—лётчик не ошибся, она—то вовсе не Мерзоева Татьяна Борисовна, а дочь врага народа, заклятого врага советской власти бывшего... Хотя этого Петюня тебе уже знать не положено пока, пока не положено. Так что ты считай мой любимчик, а я дружбу выше всего ценю, помни это, Петюня!

— Так значит у меня в институте нет проблем? И за мои похождения с девочками... — начал было конючить Петя.

— Ни чего тебе не будет, ты это делал в целях сбора агентурной и прочей, прочей информации, с моего личного ведома, понял наконец агент «Крыса»!

— Понял Андрей Андреевич, и Петя тихонько вышел из кабинета. Дебил Н.К.В.Дешный! — криво улыбаясь шептал себе под нос Петя. — Нужен ты мне был, как прошлогодний снег!

— Товарищ полковник! Разрешите доложить! — и следователь Сеницын сияя от предвкушаемого удовольствия вошёл в кабинет начальника отдела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.